

БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

МЭРИ БИРД

S P Q R

ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО
РИМА

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФЕКШН

Мэри Бирд

SPQR. История Древнего Рима

«Альпина Диджитал»

2015

Бирд М.

SPQR. История Древнего Рима / М. Бирд — «Альпина
Диджитал», 2015

ISBN 978-5-9614-4516-9

Мы встречаемся с образами и историей Древнего Рима в науке, литературе, искусстве. Но насколько близки к реальности наши представления об эпохе, на которую опирается вся западная цивилизация? Ведущий мировой специалист по древней истории Мэри Бирд в своей книге «SPQR: История Древнего Рима» объясняет, почему нам так важна римская история, каким образом маленький, ничем не примечательный городок Центральной Италии превратился в империю трех континентов. Название «SPQR» – аббревиатура латинского выражения *senatus populus que romanus*, означающего «сенат и народ Рима». Сенат дал название современным законодательным собраниям по всему миру. SPQR – книга о Риме и о том, как он сохранял свое господство несколько веков подряд, о его жителях, императорах и заговорщиках. Описывая взаимоотношения власти и человека, политическое устройство и конфликты, становление государственности и империи, знаменитых и никому не известных римлян, автор посредством научных данных разрушает мифы. Изложение истории Древнего Рима начинается с середины I в. до н. э., когда Рим уже был обширной метрополией с населением больше миллиона жителей, с предвестия переворота и описания звездного часа Цицерона. А заканчивается кульминационным моментом, когда в 212 г. император Каракалла дал всем свободным жителям Римской империи право полного римского гражданства, уничтожив различия между победителями и побежденными. Почему книга достойна прочтения: – Здесь есть все лучшее, что читатель может найти в научно-популярной литературе: глубокое и всестороннее знание предмета, великолепный язык, ощущение пульсации повседневной жизни. – С увеличением числа находок, обнаруженных в грунте, подземных водах и даже в библиотеках, историография Древнего Рима претерпела сильные изменения за последние 50 лет. Книга содержит актуальные научные данные. – Эта книга – исторический спектакль, связь

между прошлым и настоящим. Удивительно, как много похожих событий и параллелей с сегодняшним днем читатель найдет в истории о Древнем Риме.

ISBN 978-5-9614-4516-9

© Бирд М., 2015

© Альпина Диджитал, 2015

Содержание

Карты	7
Предисловие	12
Глава 1	15
SPQR: 63 г. до н. э	15
Цицерон против Катилины	19
В сенате	22
Триумф и унижение	24
Подробный отчет	26
Обратная сторона истории	30
Наш Катилина?	35
Глава 2	37
Цицерон и Ромул	37
Убийство	40
Похищение	42
Брат против брата, периферия против центра	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мэри Бирд

SPQR. История Древнего Рима

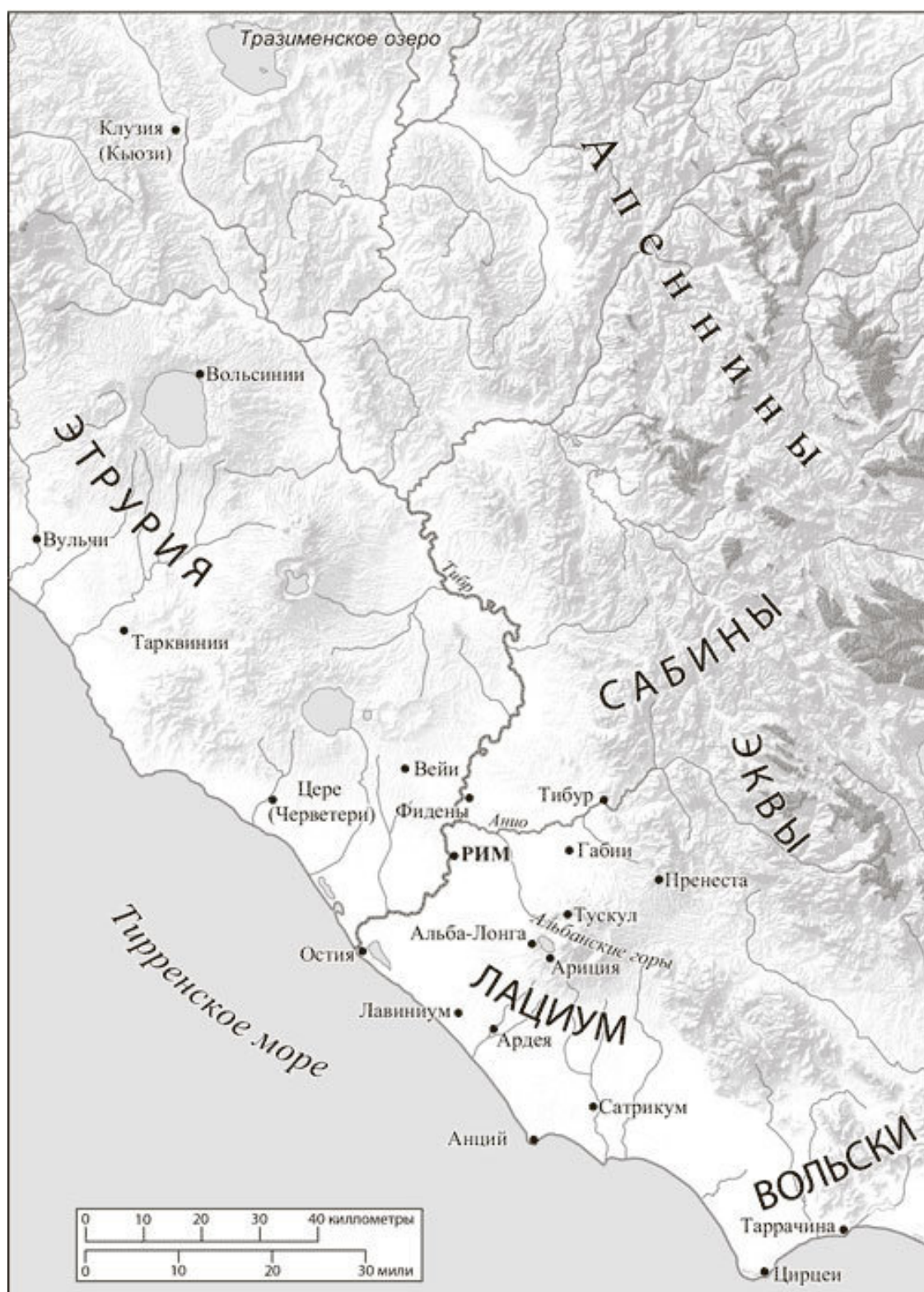
Дизайн обложки Ю. Буга

© Mary Beard Publications, 2015

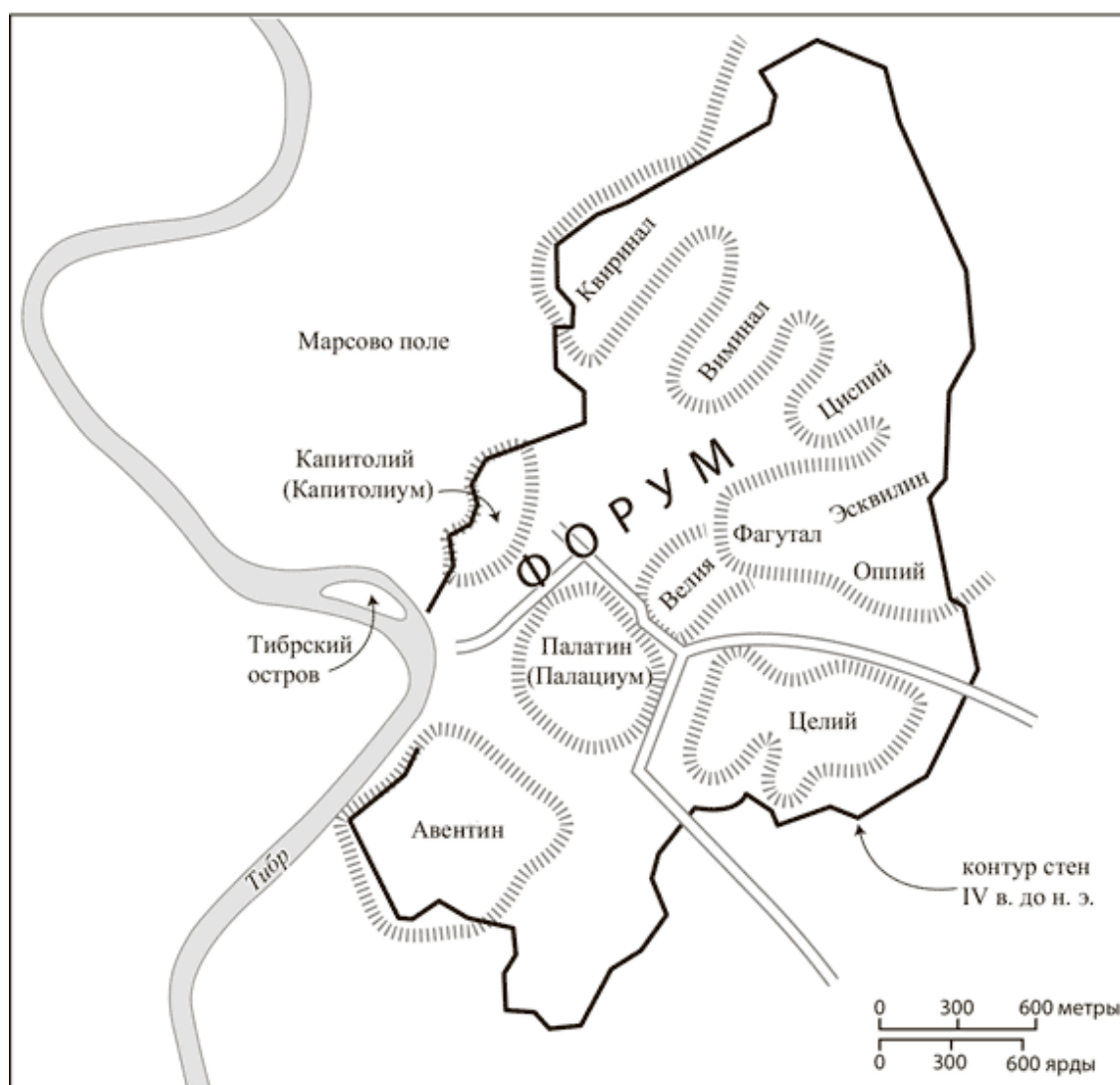
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

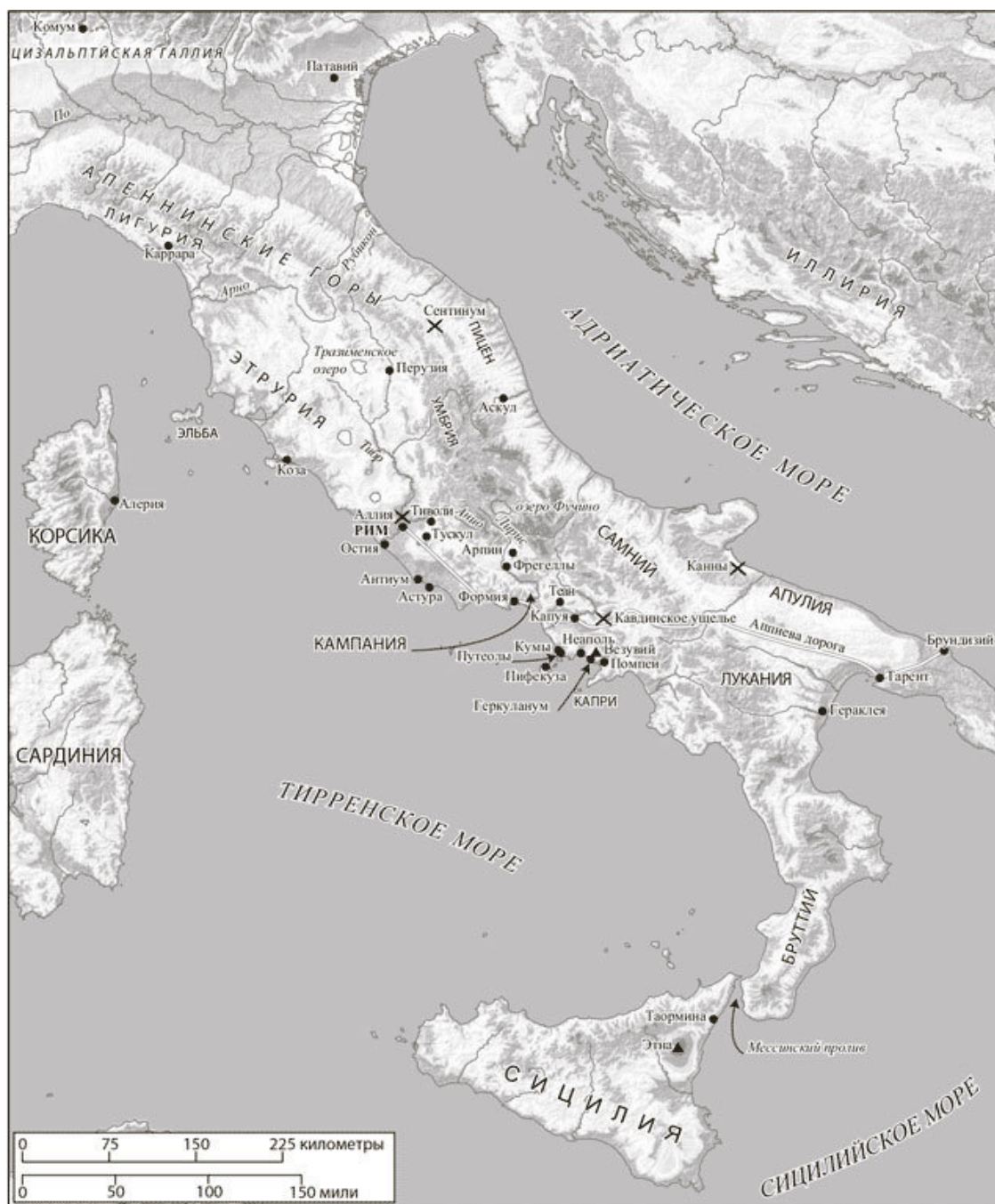
Карты

1. Ранний Рим и его соседи

2. Древний город Рим

3. Италия времен Древнего Рима

4. Город Рим времен империи

5. Римский мир

Предисловие

История Древнего Рима

Древний Рим для нас очень важен. Отвернуться от истории римлян – значит не просто закрыть глаза на давнее прошлое. Рим по-прежнему определяет наши представления о мире и о самих себе, что нашло отражение как в серьезных теориях, так и в простодушных комедиях. По прошествии 2000 лет Рим все еще задает тон западной культуры и политики, влияя на то, что мы пишем, как мы видим мир вокруг себя и свое место в нем.

Убийство Юлия Цезаря в мартовские иды 44 г. до н. э. послужило примером и порой неуклюжим оправданием для убийств новых тиранов. Завоевания Римской империи заложили основу современной политической географии Европы и конфигурацию обширных пространств на других континентах. Лондон является столицей Великобритании прежде всего потому, что римляне сделали этот город столицей своей провинции Британии – полной опасностей земли, как им казалось, за пределами великого Океана, окружающего цивилизованный мир. Рим оставил нам в наследство идеи свободы и гражданства, равно как и империалистической эксплуатации, снабдив современную политологию словарем терминов, включая и «сенаторов», и «диктаторов». Римляне подарили нам крылатые фразы, такие как «бойтесь данайцев, дары приносящих» или «хлеба и зрелищ!», «играть на лире, когда пылает Рим» или «пока есть жизнь, есть надежда». Рим порождает столько же смеха, сколько и благоговения, и ужаса. Гладиаторы как в прошлом, так и в настоящем имеют огромные кассовые сборы. У знаменитой эпической поэмы Вергилия «Энеида», посвященной основанию Рима, оказалось в XX в. безусловно больше читателей, чем в I в. н. э.

Историография Древнего Рима, однако, претерпела сильные изменения за последние 50 лет, а тем более за 250 лет с момента написания «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эдварда Гиббона – уникального исторического труда, давшего начало исследованию римской истории в англоговорящем мире. Частично это можно связать с новым взглядом на старые обстоятельства и с новыми вопросами, которые мы задаем древней истории. Но думать, будто мы стали лучшими историками, чем наши предшественники, было бы опасным заблуждением. Это не так. Мы просто подходим к Древнему Риму с другими приоритетами – от гендерных проблем до вопросов питания – и тем самым вынуждаем древность говорить с нами другим языком.

Последнее время ознаменовалось огромным множеством находок, обнаруженных в грунте, подземных водах и даже в библиотеках, и это предоставляет современным историкам гораздо больше данных, чем прежние источники. У нас теперь в распоряжении есть трогательный рассказ римского врача, чье драгоценное имущество исчезло в языках пламени: это свидетельство нашли на территории греческого монастыря лишь в 2005 г. У нас есть обломки затонувших торговых кораблей Средиземноморья, так и не доvezших до Рима груз с иноземными скульптурами, стеклом и мебелью, предназначенными для богатых, а также вином и оливковым маслом для всех. Одни археологи тщательно изучают образцы бурения ледового панциря Гренландии, обнаруживая даже там следы промышленного загрязнения времен Рима. Другие специалисты разглядывают под микроскопом человеческие экскременты, найденные в выгребной яме в Геркулануме, в Южной Италии, чтобы уточнить состав пищи простых римлян, поступавшей в – и покидавшей – их пищеварительный тракт. По большей части это оказались яйца и морские ежи.

История Рима все время переписывается. Так было во все времена. В определенном смысле мы знаем о Риме больше, чем сами римляне. Иными словами, изучение истории Древнего Рима – процесс незавершенный. Данная книга – мой вклад в этот большой проект,

попытка объяснить, почему нам так важна римская история. Название «SPQR» – аббревиатура еще одной крылатой латинской фразы «Senatus PopulusQue Romanus», что означает «Сенат и народ Рима». Мой труд вдохновлялся интересом к античности, убеждением, что диалог с жителями Древнего Рима по-прежнему актуален, и желанием разобраться, каким образом маленький, ничем не примечательный городок центральной Италии превратился в империю с огромной территорией на трех континентах.

Эта книга про то, как Рим рос и сохранял свои позиции, а не про упадок и разрушение, если вообще упадок происходил в том смысле, как себе это представлял Гиббон. Существует несколько разных сюжетов, пригодных в качестве завершения истории Древнего Рима: кто-то считает финалом обращение императора Константина в христианство на смертном одре в 337 г. н. э. или разграбление города в 410 г. н. э. вестготами во главе с Аларихом. Мое исследование заканчивается кульминационным моментом, когда в 212 г. н. э. император Каракалла дал всем свободным жителям Римской империи права полного римского гражданства, уничтожив различия между победителями и побежденными и завершив процесс распространения прав и привилегий римского гражданства, начавшийся примерно за тысячу лет до этого.

Книга «SPQR» – не просто дань восхищения. Многие в классической античности, как греческой, так и римской, требуют нашего интереса и внимания. Наш мир был бы неизмеримо беднее, если бы мы не продолжали взаимодействовать с античным миром. Но это отнюдь не безоговорочное восхищение. Как современного человека меня возмущают рассуждения о «великих» римских завоевателях или «великой» Римской империи. Я постаралась смотреть на эти вещи и с иной стороны.

В книге «SPQR» мне хотелось развенчать некоторые мифы и полуправду о Древнем Риме, с которыми я, как и многие, выросла. Римляне не выходили на старт своего исторического пути с грандиозным планом завоевания мира. И хотя в конечном счете успех империи и был обоснован идеей, подобной доктрине «предопределения судьбы» или «явного предначертания»,¹ изначальная мотивация римской военной экспансии в Средиземноморье и на прилегающих территориях остается одной из великих мировых загадок. Расширяя империю, римляне не ставили своей задачей грубое угнетение невинных народов, занимавшихся своим делом в мире и согласии до появления легионов. История Древнего Рима была, безусловно, полна жестокости. Покорение Юлием Цезарем Галлии не без оснований сравнивают с геноцидом, и римляне той эпохи осуждали его действия. При этом Рим завоевывал земли, населенные отнюдь не мирными сообществами: для этих народов были характерны постоянная агрессия, исключительно силовые способы разрешения конфликтов между претендентами на власть; некоторые территории сами представляли собой мини-империи. Большинство врагов Рима были не менее воинственны, чем римляне, но не столь успешны, в силу обстоятельств, которые я попытаюсь раскрыть.

Рим не был лишь напористым младшим братом классической Греции, увлекавшимся инженерным делом, строительством армии и утверждением абсолютизма, в то время как греки предпочитали интеллектуальные изыскания, театр и демократию. Некоторым римским деятелям удобно было представлять дело именно так, да и многим современным историкам удобно описывать античный мир с позиций простой дихотомии двух сильно различавшихся культур. Такой подход, как будет показано, является заблуждением по отношению к обеим сторонам. Греческие города-государства жаждали побед в сражениях никак не меньше, чем римляне, большинство из них не были знакомы с афинским недолговечным экспериментом – демократией. Некоторые римские писатели не только не были бездумными сторонниками власти императора, но и оказались одними из самых яростных критиков империализма во все времена.

¹ Доктрина экспансии США в Северной и Южной Америке, которая оправдывалась в XIX в. божественным провидением. – Здесь и далее прим. ред.

«Создав пустыню, они говорят, что принесли мир»² – фраза, емко передающая обычный итог завоеваний. Эти слова были написаны во II веке н. э. римским историком Тацитом про римское владычество в Британии.

Заниматься историей Древнего Рима – дело очень непростое. Не существует единой версии римской античности, особенно с тех пор, как римский мир вышел далеко за пределы Италии. История Рима не совпадает с историей римской Британии или римской Африки. Основное внимание я уделю городу Риму и римской Италии, не преминув также оглядеть Рим извне, с точки зрения жителей разных земель империи, среди которых были солдаты, повстанцы или амбициозные предатели. И для разных периодов должна быть написана разная история Рима. От древнейшего периода возникновения Рима и его превращения в IV в. до н. э. из маленького селения в основного игрока, занимавшего весь полуостров, не осталось никаких записей, сделанных римлянами, жившими в то время. Описание этого периода должно быть смелой реконструкцией, в которую нужно втиснуть отдельные свидетельства – обломок керамики, несколько букв, процарапанных на камне, – как бы трудно это ни было. Три столетия спустя появляется огромная масса противоречивых письменных свидетельств, создающая обратную проблему: как разобраться в этом море, грозящем затопить любое стройное повествование.

Изучение истории Рима требует особенного воображения. В некотором смысле, исследование римской античности из XXI в. похоже на работу канатоходца: приходится очень осторожно балансировать. С одной стороны, все выглядит успокаивающе знакомым: в Древнем Риме ведутся диалоги, к которым мы вполне могли бы присоединиться: о сути свободы или проблеме полов; там возводятся узнаваемые здания и памятники; семейная жизнь устроена понятным нам образом, со всеми известными подростковыми трудностями; там придумывают шутки, над которыми мы смеемся. Но с другой стороны, Рим кажется нам совершенно чуждой территорией. Мы сталкиваемся не только с рабством, жуткой грязью (едва ли в Древнем Риме осуществлялся вывоз мусора), человекоубийством на арене и смертью от болезней, которые сейчас легко лечатся, но и с такими дикостями, как выбрасывание новорожденных, малолетние невесты и живописные жрецы-скопцы.

Мы начнем изучение этого мира с рассказа об одном периоде римской истории, над которым и сами римляне не переставали ломать голову, и современные исследователи, от историков до драматургов, не устают о нем спорить. Этот период знакомит нас с некоторыми ключевыми персонажами Древнего Рима, с богатством дискуссии римлян о своем прошлом и с нашими попытками это прошлое воскресить и понять – и разобраться, почему же история Рима, его сената и народа для нас так много значат.

² Тацит. Агрикола (пер. А. Бобовича).

Глава 1

Звездный час Цицерона

SPQR: 63 г. до н. э

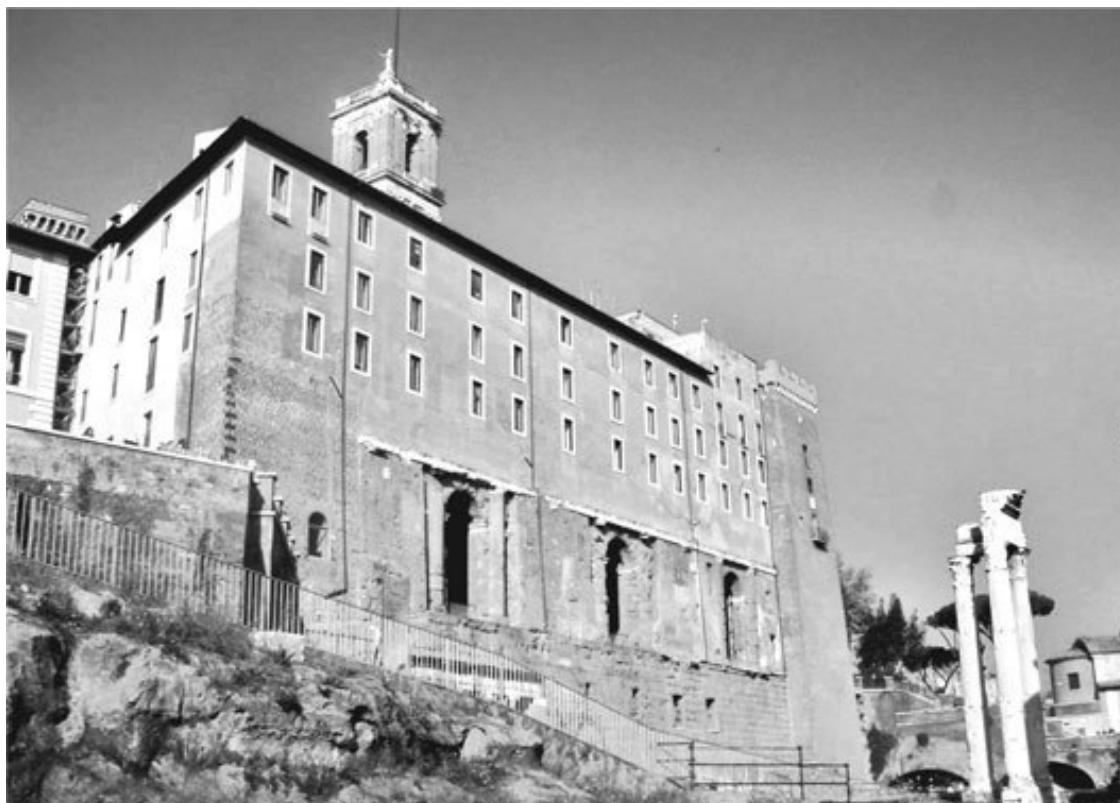
Наше изложение истории Древнего Рима начинается с середины I в. до н. э., когда с момента основания города прошло уже более 600 лет. Начинается оно с предвестия переворота. Это было время ожидания революционных изменений, когда тайная террористическая организация вынашивала планы восстания в городе; секретных провокаций и публичных страстных речей, сражений римлян против римлян же, с беспрецедентной казни римских граждан (виновных или невиновных) в интересах государственной безопасности. И все это 63 г. до н. э. С одной стороны, мы видим Луция Сергия Катулину, озлобленного обанкротившегося аристократа, которого многие считают инициатором заговора против сенаторов: задумав убийство оппонентов и поджог Рима, он надеялся таким способом добиться списания всех долгов, как для бедных, так и для богатых. С другой стороны – Марк Туллий Цицерон (далее – просто Цицерон) знаменитый оратор, философ, жрец, поэт, политик, остряк и прекрасный рассказчик, одна из потенциальных жертв убийц; талантливый ритор, он не жалел красноречия для демонстрации своих заслуг в деле разоблачения коварного заговора Катулины и спасения отечества. Это был его звездный час.

К 63 г. до н. э. Рим уже был обширной метрополией, населенной более чем миллионом жителей. Это был самый большой город в Европе, и он оставался таковым до XIX в. И хотя Рим еще не знал императоров, он господствовал над огромной империей от Испании до Сирии и от южной Франции до Сахары. Это была странная смесь роскоши и грязи, свободы и эксплуатации, гордости за отечество и братоубийства в гражданских войнах. В последующих главах мы вернемся к более глубокому прошлому, к началу римской эпохи, отмеченному подвигами римского народа как на военном, так и на мирном поприще. Мы постараемся понять, что стоит за известными сюжетами, и поныне задевающими нас за живое, – от истории Ромула и Рема до поругания Лукреции. У нас будут возникать вопросы, которые не давали покоя историкам начиная с античных времен. Как и почему обычный маленький городок в центральной Италии разросся до размеров самого большого во всем Средиземноморье города, контролирующего огромную империю? Было ли в римлянах что-то особенное и что это могло быть? Однако начинать изложение истории Древнего Рима с самого начала – довольно бессмысленная затея. Современным взглядом ее пристально и детально рассматривать можно лишь с I в. до н. э. От этого периода нам досталось невероятное множество текстов: от частных писем до публичных речей, от философии до поэзии, текстов эпических и эротических, научных и прямо «с улицы». Благодаря этим источникам мы можем представить себе, как должны были крутиться и вертеться политические гранды в потоке повседневных проблем. Мы можем подслушать, как они торговались и шли на компромиссы, подсмотреть, как всаживали нож в спину друг другу, в буквальном и переносном смысле. Мы можем даже окунуться в их личную жизнь: стать свидетелями семейных неурядиц, финансовых проблем, можем посочувствовать утрате любимого ребенка или, порой, любимого раба. С более ранними периодами в истории Запада мы не имеем возможности так близко познакомиться (у нас нет, например, таких подробных и разнообразных сведений о жизни в классических Афинах). И вновь так же детально нам откроется бытописание какого-либо места лишь спустя тысячу с лишним лет, и это будет уже мир Флоренции в эпоху Возрождения.

Более того, именно в I в. до н. э. сами римские авторы начали систематически изучать более ранние века истории своего города и всей империи. Интерес к прошлому Рима, безусловно, возникал и раньше: до нас дошло, например, сочинение жившего во II в. до н. э. эры грека о расцвете и могуществе города. Но лишь с I в. до н. э. римские ученые и критики стали ставить вопросы, подобные тем, что мы задаем сегодня. Сочетание научных исследований с большой долей творческого вымысла позволило им собрать по кусочкам свою версию того, что происходило в древности, и мы до сих пор принимаем ее за основу. Мы и поныне во многом смотрим на историю Рима сквозь призму открытий I в. до н. э. Или, другими словами, та *история* Древнего Рима, которую мы знаем, родилась в I в. до н. э.

Год 63 г. до н. э. – значимый рубеж в том непростом столетии. Город был на грани катастрофы. За тысячелетнюю историю, которую мы рассматриваем в этой книге, Рим не раз сталкивался лицом к лицу с опасностями и поражениями. Так, в 390 г. до н. э. город был разграблен большим отрядом галлов. В 218 г. до н. э. карфагенский полководец Ганнибал совершил знаменитый переход через Альпы с 37 слонами и нанес римлянам огромный ущерб, прежде чем они сумели отбить его атаку. Римские потери в битве при Каннах в 216 г. до н. э. составляют 70 000 убитыми за один день, что сопоставимо с Геттисбергским кровопролитием или первым днем на Сомме. Не менее ужасающими в глазах римлян были поражения, нанесенные регулярным легионам в 70-х гг. до н. э. неорганизованным отрядом бывших гладиаторов и беглых рабов под предводительством Спартака: обнаружилось, что римская военная подготовка вовсе не так уж надежна. По сути дела, римляне никогда и не были столь уж непобедимы, как мы склонны думать, или как бы они хотели казаться. Но в 63 г. до н. э. им пришлось иметь дело с внутренним врагом, с кровавым заговором прямо в сердце правящей элиты.

Развитие этого кризиса можно проследить в мельчайших подробностях, день за днем, а в какие-то моменты и час за часом. Мы точно знаем, где произошла большая часть событий, в некоторых местах поныне сохранились те же памятники, что доминировали в ландшафте тех времен. Мы можем узнать, какие «спецоперации» поставляли Цицерону информацию о заговоре; как Катилину заставили бежать из города, чтобы присоединиться к наспех собранному ополчению к северу от Рима, и как он ввязался в битву с римскими легионерами, что стоило ему жизни. Мы можем также ознакомиться с некоторыми доводами дискуссии вокруг этого политического кризиса и задаться более широкими вопросами, которые эти события поставили и продолжают ставить до сих пор. Решительная реакция Цицерона, в числе прочего повлекшая за собой скоропалительные казни, обнажает в острой форме проблемы, которые волнуют нас и по сей день. Насколько законно уничтожение террористов вне заведенного судебного порядка? До какой степени могут быть принесены в жертву гражданские права во имя безопасности отчизны? Римляне никогда не переставали дискутировать на тему того, что потом стало называться «заговором Катилины». Был ли Катилина абсолютным злом, или можно найти обстоятельства, смягчающие его вину? Какую цену пришлось заплатить за предотвращение революции? События 63 г. до н. э. находили отклик на протяжении всей истории Запада. Некоторые формулировки, родившиеся во время жарких дебатов вокруг разоблачения заговора, сделались крылатыми фразами и по-прежнему встречаются в современной политической риторике, попадают, как мы далее увидим, на плакаты, в лозунги и даже в твиты участников политических протестов.

1. Тяжелые колонны и арки Табулария, встроенные в более поздний дворец Микеланжело, до сих пор привлекают внимание осматривающих римский Форум. Построенный за несколько десятков лет до консульства Цицерона в 63 г. до н. э., Табуларий представлял в свое время последнее слово архитектурной техники. Его назначение не вполне ясно. Это было, очевидно, общественное здание, но необязательно для государственного архива (*tabularium*), как обычно считается

Можно по-разному относиться к заговору Катилины, но при всех возможных за и против он приводит нас к самой сердцевине политической жизни Рима I в. до н. э., со всеми ее условностями, противоречиями и конфликтами. Он позволяет нам увидеть в действии сенат и римский народ – две составные части формулы, давшей название моей книги «SPQR» (*Senatus PopulusQue Romanus*). Эти две силы, находившиеся подчас в ожесточенном противостоянии, были основными источниками политической власти Рима в I в. до н. э. Вместе они складывались в краткую формулу законной власти римского государства, эта сумма двух слагаемых прошла через всю римскую историю, она по-прежнему определяет устройство Италии и в XXI в. Более того, сенат (власть минус *PopulusQue Romanus*) дал название современным законодательным собраниям по всему миру, от США до Руанды.

Список действующих лиц этой драмы включает некоторых самых известных персонажей истории Древнего Рима. Гай Юлий Цезарь, которому шел тогда тридцать восьмой год, сыграл одну из ключевых ролей в дискуссии о том, как следует наказать заговорщиков. Марк Лициний Красс, римский плутократ, известный заявлением, что человек не может считаться богатым, если он на свои деньги не может содержать частную армию, вел таинственную закулисную игру. Но главную роль, роль непримиримого противника Катилины, сыграл человек, о котором известно больше, чем о ком бы то ни было во всем античном мире. Его речи, эссе, письма, шутки и стихи наполняют десятки томов современной печатной продукции. Кроме Цицерона (и, пожалуй, спустя 450 лет – блаженного Августина, христианского святого, теолога, человека, пристально изучавшего самого себя) в древней истории нет другого человека, чья жизнь, публичная и частная, была бы задокументирована с такой полнотой, и это позволяет

восстановить его правдоподобную биографию, в современном понимании этого слова. Благодаря сочинениям Цицерона мы смотрим на историю Рима того времени его глазами, во многом повторяя его предубеждения. 63 г. до н. э. был поворотным в его карьере: удача никогда потом не была так благосклонна к нему. Через 20 лет все закончилось крахом, и все еще преисполненный уверенности в себе, все еще остававшийся влиятельным лицом, хотя он и утратил уже лидирующие позиции в общественной жизни, Цицерон был убит в одной из гражданских войн после гибели Юлия Цезаря в 44 г. до н. э. Его голову и правую руку выставили на всеобщее обозрение и поругание.

2. Аббревиатуру SPQR по-прежнему можно встретить везде: на канализационных люках, на мусорных баках. Бывшее популярным уже во времена Цицерона, это сокращение демонстрирует завидную живучесть. Естественно, на вездесущую формулу появились пародии. «Sono Pazzi Questi Romani» – одна из любимых в Италии: «Они сумасшедшие, эти римляне»

За ужасной смертью Цицерона пришла еще более мощная революция I в. до н. э., которая начиналась с популистского правления, пусть не совсем демократии, а закончилась троном с автократом на нем, единолично управляющим Римской империей. Как бы ни казалось Цицерону, что в 63 г. до н. э. он «спас отечество», правда состоит в том, что отечеству в той государственной форме, которую он знал, недолго оставалось существовать. На горизонте уже показалась другая революция, которой суждено было стать более успешной, чем бунт Катилины. К «сенату и римскому народу» добавилась еще всемогущая фигура императора. Новое слагаемое формулы власти воплотилось в череде автократов, которым льстили и которыми манипулировали, которых слушались беспрекословно и которыми пренебрегали. Они, безусловно, стали неотъемлемой частью истории Запада и потому мы непременно будем говорить и о них. А сейчас мы окунемся в незабываемый период, наиболее показательный и насыщенный событиями во всей истории Рима.

Цицерон против Катилины

Конфликт между Цицероном и Катилиной можно отчасти объяснить столкновением идеологических платформ и амбиций. Это была схватка двух совершенно разных по происхождению людей. Оба они оказались на самой вершине политического олимпа Рима или близко к нему, но на этом сходство их положения и заканчивается. Их столь непохожие карьеры могут служить прекрасной иллюстрацией разнообразия политической жизни Рима в I в. до н. э.

У Катилины, будущего революционера, стартовые условия были более традиционными, привилегированными и надежными для начала политической карьеры. Он происходил из известного старинного рода, ведущего свою родословную от мифических отцов-основателей Рима. Считается, что его предок Сергест приплыл в Италию вместе с Энеем с востока после Троянской войны, в то время, когда Рима как города еще не существовало. Среди его родни голубых кровей был герой войны с Ганнибалом, его прадед, который прославился как первый воин, сражавшийся с протезом вместо руки, – скорее всего, это был просто металлический крюк, заменивший правую кисть, потерянную в предыдущих боях. У самого Катилины политическая карьера начиналась вполне успешно, его избирали на несколько младших должностей, но к 63 г. до н. э. он почти обанкротился. Его имя было прочно связано с серией преступлений: от убийства первой жены и собственного сына до сожительства с весталкой, хранившей обет безбрачия. Помимо разорительных пороков его финансовое положение расшатали неоднократные попытки обеспечить себе самую влиятельную в городе должность одного из двух консулов.

Участие в выборах в Риме было делом дорогостоящим. В I в. до н. э. принято было проявлять баснословную щедрость, трудно отличимую от подкупа избирателей. Ставки были очень высоки. Те, кто выигрывал выборы, имели возможность правдами и неправдами возместить издержки, используя преимущества служебного положения. Проигравшие (а такого рода проигравших, как и военных поражений, в Риме случалось значительно больше, чем римляне желали признавать) еще глубже увязали в долгах.

Таково было положение Катилины после поражения на двух консульских выборах подряд, в 64 и 63 гг. до н. э. Теперь у него не оставалось другого выбора, кроме как прибегнуть к сценарию «революции», или «быстрого реагирования», или «терроризма», как угодно это называть, хотя есть мнение, что к такому способу действий он склонялся и раньше. Объединив силы с другими отчаявшимися представителями высшего сословия, оказавшимися в похожем затруднительном положении, он обратился за поддержкой к недовольным беднякам внутри города и одновременно собирал ополченцев за его пределами. Не было конца его опрометчивым обещаниям прощения долгов (а это была, по мнению римских землевладельцев, одна из самых презренных форм радикализма) и дерзким угрозам сместить ведущих политиков и поджечь весь город.

Так, во всяком случае, оценивал мотивы и цели своего оппонента Цицерон, который был убежден, что станет жертвой убийства. Он был сделан, можно сказать, из совсем другого теста, чем Катилина. Цицерон происходил из богатой землевладельческой семьи, что характерно для большинства видных политических деятелей. Однако его родным городом была не столица, а небольшой городок Арпин примерно в 100 км от Рима или в дне пути доступным в античности способом передвижения. Обладая достаточным весом в своем городе, его предки не сыграли выдающейся роли на римской политической арене. Не имея преимуществ Катилины, Цицерон опирался только на природные таланты, покровительство в высших кругах, где он старательно обзаводился связями, и силу своего слова, которое помогало ему пробиваться наверх. Это означало, что его путь к славе лежал через блестящую адвокатскую карьеру в римских судах, что позволило Цицерону стать знаменитостью и снискать поддержку влиятельных особ.

В результате он без труда избирался на все необходимые низшие должности политической иерархии, подобно Катилине. Однако в 64 г. до н. э. предвыборная гонка принесла Цицерону победу на консульских выборах, а Катилине – поражение.

Тот триумфальный успех, однако, не был целиком вопросом предрешенным. При всей своей славе Цицерону пришлось испытать на себе невыгодное положение «нового человека», как римляне называли кандидатов без политической родословной. На определенном этапе он, вероятно, даже подумывал заключить предвыборный союз с Катилиной, несмотря на его сомнительную репутацию. В конце концов, исход выборов определили голоса влиятельных избирателей. Римская избирательная система со всей откровенностью и без лишней стыдливости наделяла большим весом голоса богатых избирателей, и многие из богачей, видимо, решили, что Цицерон – лучший выбор для них, чем Катилина, несмотря на все их высокомерие по отношению к новичку. Некоторые соперники Цицерона называли его «постояльцем» в Риме, «полугражданином», но тем не менее он возглавил гонку. Катилина позорно закончил третьим. На втором месте, также обеспечивающем должность консула, оказался Гай Антоний Гибрида, дядя другого, более известного Антония (Марка), репутация которого, как выяснилось, была немногим лучше, чем у Катилины.

Летом 63 г. до н. э. Цицерон мог уловить признаки угрозы со стороны Катилины, который собрался вновь попытать счастья в качестве кандидата. Цицерон воспользовался положением консула, чтобы отложить очередной этап выборов, и когда, наконец, пришел назначенный день, явился на выборы в сопровождении вооруженной охраны, а из-под тоги отчетливо проступали нагрудные доспехи. Это был явно костюмированный выход, с вызывающим несоответствием гражданских и военных деталей, как если бы современный политик появился в парламенте в деловом костюме с автоматом наперевес. Но это сработало. Эта тактика устрашения в сочетании с громогласными популистскими заявлениями Катилины предопределила очередной провал соперника Цицерона. Заявления одного отверженца, обещающего поддержку другим таким же, имели мало шансов склонить на свою сторону избирателей из элиты.

Вскоре после выборов, примерно ранней осенью, Цицерон начал получать более определенные сведения о подготовке страшного заговора. Информация просачивалась уже довольно давно от подружки одного из сообщников Катилины, женщины по имени Фульвия, которая в той или иной степени сыграла роль двойного агента. Теперь благодаря предательству еще одной вовлеченной в заговор стороны и при посредничестве состоятельного Марка Красса у Цицерона на руках оказалась целая пачка писем, напрямую уличающая Катилину и раскрывающая кровавые планы заговорщиков. Эта информация вскоре стала подтверждаться донесениями о скапливающихся к северу от города вооруженных силах в поддержку восставших. И, наконец, после того, как не без «подсказки» Фульвии удалось избежать нападения, намеченного на 7 ноября, Цицерон убедил сенат собраться на следующий день, чтобы официально разоблачить Катилину и добиться выдворения его из Рима.

Еще до этого, в октябре, сенаторы приняли постановление, вынуждавшее консула Цицерона (или позволявшее ему) принять меры, чтобы «государству ничего не угрожало», то есть своего рода античный аналог закона «О чрезвычайных полномочиях» или закона «О борьбе с терроризмом», со всеми его спорными моментами. А теперь, 8 ноября, они выслушивали «дело Катилины», которое Цицерон подал с блеском, изобильно оснастив доказательствами. Это была замечательная смесь ярости, негодования, самокритики и неопровержимых с виду фактов. В одной части своего выступления он напоминал собравшейся публике о сомнительном прошлом Катилины, в другой – неискренне сетовал, что сам не отреагировал вовремя на возникшую опасность, в третьей – загружал аудиторию мельчайшими подробностями заговора: в чьем доме собирались заговорщики, в какие даты, кто был вовлечен в дело и какими конкретно были пункты плана. Катилина оказался лицом к лицу с неизбежностью серьезного обвинения в свой адрес. Он попросил сенаторов не верить ни единому слову, отпустил несколько

колкостей в адрес скромного происхождения Цицерона, не идущего в сравнение с его выдающимися предками и их огромными заслугами. Но он, со всей очевидностью, осознавал безнадёжность своего положения. Ночью он покинул город.

В сенате

Можно сказать, что схватка Цицерона и Катилины перед сенатом – кульминация всей этой истории: два противника встречаются лицом к лицу в органе власти, являющемся центром политической структуры Рима. Как мы можем себе представить эту сцену? В Новое время самой известной попыткой изобразить, что произошло тогда, 8 ноября, можно считать картину итальянского художника XIX в. Чезаре Маккари (см. фрагмент картины ниже на илл. 3 и цв. вклейку, илл. 1). Это полотно хорошо согласуется с нашими представлениями о Древнем Риме, о публичной жизни в нем: с размахом, величественной, строгой и элегантной.

Такой иллюстрацией Цицерон должен был быть доволен. Катилина сидит в отдалении, с опущенной головой, будто никто не смеет находиться рядом с ним, тем более – говорить с ним. Тем временем Цицерон, главный герой сцены, стоит у дымящейся жаровни, перед алтарем. Он обращается к сенаторам, облаченным в тоги. Повседневная одежда римлян – туники, накидки и даже иногда брюки – была намного более разнообразной и красочной, чем здесь изображено. При этом тога была официальной, национальной одеждой: римляне называли себя *gens togata* («народ, который носит тогу»), некоторые иностранцы время от времени смеялись над их неуклюжим платьем. Тоги были белыми с добавлением пурпурной каймы для должностных лиц. Известно, что современное слово «кандидат» происходит от латинского слова *candidatus*, т. е. «выбеленный»: речь идет о специальных белых тогах, которые надевались только во время предвыборных кампаний, чтобы произвести впечатление на избирателей. В мире, где принято выставлять статус напоказ, важна каждая деталь наряда: сенаторы под тогу поддевали тунику с широкой пурпурной каймой, у всадников, следующего по рангу сословия, кайма была более узкой; у тех и у других – особая обувь.

3. На картине Маккари, запечатлевшей сцену в сенате, Цицерон изображен в выгодный для него момент, при произнесении речи явно без шпаргалки: римский идеал благородного мужа, обладающего красноречием (*vir bonus dicendi peritus*)

Маккари удалось точно показать изящество тог, хотя он и забыл про отличительную кайму. В остальном, однако, произведение художника, скорее, очаровательный плод фантазии, чем правдивое изображение события и обстановки. Для начала, Цицерон на картине – седовласый государственный муж преклонного возраста, а Катилина – угрюмый молодой негодяй. На самом деле обоим должно быть около сорока лет, Катилина при этом года на два старше.

Кроме того, собрание кажется неправдоподобно малочисленным, если только не вообразить, что остальные находятся где-то за сценой. Едва ли наберется 50 сенаторов, присутствующих на столь важном выступлении.

В середине I в. до н. э. в сенат входило около 600 членов. Все они были государственные мужи, избиравшиеся ранее на государственные должности (обратите внимание: только мужчины, женщины никогда не занимали политических должностей в Риме). Все прослужившие на низшей должности квестора – а их избирали по двадцать каждый год – автоматически получали пожизненное место в сенате. Они регулярно встречались, спорили, давали советы консулам и издавали постановления, которые обычно приводились в исполнение, хотя и не получали силу закона. Из-за этого всегда мог возникнуть неловкий вопрос, что произойдет, если постановление сената будет просто проигнорировано. Естественно, что посещаемость собрания сената могла быть разной, но можно с уверенностью сказать, что на этом заседании свободных мест не должно оставаться.

Что касается обстановки, то на картине она выглядит вполне в римском духе, за исключением огромной колонны, заканчивающейся вне поля зрения, и роскошной отделки стен разноцветным мрамором, что слишком шикарно для любого сооружения в Риме того периода. Современное представление об античном городе как феерии из сверкающего мрамора отчасти верно, но это относится к более позднему периоду в истории Рима, когда появился единовластный император и начались систематические разработки мрамора в Карраре в Северной Италии, т. е. спустя не менее 30 лет после кризиса, связанного с именем Катилины.

Рим времен Цицерона, уже город-миллионник, еще был выстроен преимущественно из кирпича или местного камня и представлял собой тесный лабиринт запутанных улиц и темных переулков. Приезжему из Афин или египетской Александрии, где и правда встречались сооружения в стиле картины Маккари, город мог показаться неинтересным, если не сказать убогим. Это был такой рассадник болезней, что один римский врач позднее писал, что не было нужды погружаться в учебники для изучения малярии – она пышным цветом цвела на улицах Рима. Рынок доходного жилья предоставлял весьма неприглядные условия проживания для бедных горожан, зато очень выгодные условия для обогащения нещепетильных домовладельцев. Сам Цицерон вложил немалые средства в недорогое жилье и как-то шутил, скорее с гордостью, чем со смущением, что даже крысы упаковали вещички и покинули его разваливающийся доходный дом.

Роскошные частные дома отдельных сверхбогатых римлян начали уже приводить публику в изумление интерьерами с изысканными картинами, элегантными греческими статуями, изящной мебелью (столы на одной ножке были предметом особой зависти) и даже привезенными издалека мраморными колоннами. Тут и там встречались общественные сооружения, целиком построенные из мрамора или облицованные им. По этим редким островкам великолепия можно составить представление о будущем нарядном облике города. Однако обстановка собрания сената 8 ноября ничего из этого не напоминала.

Цицерон по традиции предложил сенату собраться в храме. Для такого случая был выбран храм Юпитера возле Форума, в самом сердце города, – благопристойное старинное здание, прямоугольное в плане, а не полукруглое, как у Маккари. Помещение, скорее всего, было небольшим и слабоосвещенным: лампы и факелы лишь отчасти компенсировали отсутствие окон. Представим себе, как несколько сотен сенаторов расположились в тесном и душном храме: одни сидели на импровизированных стульях и скамьях, другие, толкаясь, теснились у какой-нибудь древней почитаемой статуи Юпитера. С уверенностью можно сказать, что это было одно из важнейших событий в истории Рима, но нужно отдавать себе отчет в том, что оно было менее живописным, чем нам это представляется (это, впрочем, можно сказать и о многих других сторонах жизни в Древнем Риме).

Триумф и унижение

Последующие эпизоды драмы не удостоились подобного внимания восхищенных художников. Катилина отбыл из Рима, чтобы присоединиться к своим единомышленникам за стенами города, где собралась армия ополченцев. Тем временем Цицерон провел блестящую спецоперацию, разоблачив оставшихся в Риме заговорщиков. Поддавшись недальновидному совету, они решили привлечь на свою сторону депутацию галлов, которые искали в столице защиты от бесчинства наместников. Мы не знаем, чем руководствовались галлы, может быть, просто решили, что надежнее заранее перейти на сторону победителей, но, во всяком случае, они стали втайне сотрудничать с Цицероном, снабдив его неоспоримыми доказательствами: именами, датами, планами и новой порцией писем с разоблачительной информацией. Последующие аресты сопровождались в большинстве случаев неубедительными оправданиями. В доме одного из заговорщиков был найден внушительный склад вооружения, на что хозяин возразил, что у него такое хобби – собирать оружие.

5 декабря Цицерон снова созвал сенат для обсуждения дальнейшей судьбы арестованных. На этот раз сенаторы собрались в храме Конкордии – богини согласия или гармонии, именно потому, что дела в государстве были далеки от гармонии. Юлий Цезарь выступил со смелым предложением лишить заговорщиков свободы: по одним источникам, до возможности их судить после окончания кризиса, по другим – пожизненно. В античности содержание под стражей не было распространенной мерой наказания, тюрьмы были, скорее, местом временного пребывания преступников до вынесения приговора. В репертуаре судов более привычными наказаниями были штрафы, ссылка и смертная казнь. Если Цезарь действительно выступал в 63 г. до н. э. за пожизненное заключение, тогда это первый случай в истории Запада, когда подобная мера обсуждалась как альтернатива смертной казни. И, как оказалось, безрезультатно. Опираясь на постановление о чрезвычайных полномочиях и громкие голоса поддержки со стороны многих сенаторов, Цицерон без долгих церемоний казнил обвиняемых, не устраивая даже показательного судебного процесса. Выйдя к ликующей толпе, он триумфально объявил об их смерти, произнеся знаменитый эвфемизм из одного слова: *vixere* – «отжили», что подразумевает «они мертвы».

За несколько недель римские легионы разбили армию повстанцев на севере Италии. Сам Катилина пал смертью храбрых в авангарде ополченцев. Командующий римскими войсками, второй консул и коллега Цицерона Гай Антоний Гибрида самолично не принял участия в финальном сражении, сославшись на больные ноги, и передал руководство своему помощнику, что вызвало в определенных кругах подозрения насчет его настоящих симпатий. Он оказался не единственным, чьи подлинные мотивы хотелось бы прояснить. С античных времен рождалось немало диких, часто неубедительных догадок о том, кто же из самых влиятельных фигур мог тайно поддерживать Катилину. Был ли последний на самом деле агентом изворотливого Марка Красса? И какова была истинная позиция Цезаря?

Поражение Катилины обернулось, вне сомнений, выдающейся победой Цицерона, которого его сторонники окрестили *pater patriae*, или «отец отечества», одним из самых величайших и желанных титулов, какие только можно было получить в таком глубоко патриархальном обществе, каким был Рим. Но паруса победы скоро сдулись. Уже в последний день консульства двое соперников Цицерона не позволили ему обратиться с прощальным словом к народному собранию. «Кто без слушаний наказывал других, – заявили они, – не имеют права быть выслушанными». Несколько лет спустя, в 58 г. до н. э. народ Рима проголосовал за изгнание любого, кто казнил римского гражданина без суда. Цицерон покинул Рим, не дожидаясь появления своего имени в судебном приказе, приговаривающем его к ссылке.

До этого момента народ Рима не играл сколько-нибудь значительной роли в этой драме. «Народ», состоявший из всех граждан мужского пола, был намного шире и аморфнее, чем «сенат». Официально женщины не имели никаких политических прав. В 63 г. до н. э. в Риме и остальной Италии было примерно миллион мужчин и еще несколько миллионов проживало в провинциях. На деле только несколько тысяч или сотен желающих поучаствовать в выборах, голосованиях или собраниях посещали Рим по соответствующим поводам. Вопрос, насколько эти люди были влиятельной силой, всегда, даже и в античные времена, был весьма спорным. Однако с уверенностью можно высказать два соображения. В то время только представители народа могли выбирать кого-либо на государственные должности. Каких бы голубых кровей ни был кандидат, только от воли народа Рима зависело, кто займет важный пост, к примеру, пост консула. И только народ мог, в отличие от сената, принимать законы. В 58 г. до н. э. противники Цицерона утверждали, что, какими бы ни были полномочия консула в связи с постановлением о борьбе с терроризмом, его расправа со сторонниками Катилины попраля законное право каждого гражданина Рима на судебное разбирательство. И народ принял решение выслать Цицерона.

Бывший «отец отечества» в отчаянии провел год в северной Греции (его малодушные жалобы на судьбу не вызывают особой симпатии). Наконец, народ проголосовал за его возвращение. Восторженными криками приветствовали Цицерона ликующие почитатели. Однако городской дом его был разорен, а на обломках был воздвигнут памятник в честь богини Либерты в качестве символа свободы и политического послания хозяину и всему Риму. Цицерон никогда больше не смог повторить своих ошеломляющих успехов.

Подробный отчет

Причина, по которой мы знаем столько деталей в этой истории, проста: сами римляне очень много об этом написали, и многое из этого сохранилось. Современные историки часто жалуются, что мы слишком мало знаем о каких-то аспектах жизни в древности. «Подумать только, как мало нам известно о жизни бедных людей или женщин», – причитают они. Подобное мнение является столь же устаревшим, сколь и обманчивым. Да, почти все писатели Древнего Рима были мужчинами или до нас просто дошло ничтожно мало текстов, созданных женщинами (не сохранившаяся автобиография Агриппины, матери Нерона, – огромная потеря для классической литературы). Подавляющее большинство литераторов были к тому же весьма состоятельны, как бы ни пытались иные римские поэты, как, впрочем, и современные, делать вид, что влачат жалкое и голодное существование на чердаках. Все эти жалобы, однако, упускают из вида гораздо более важный момент.

Самое удивительное в истории Рима: сколь многое из написанного в те времена сохранилось до сих пор, по прошествии более двух тысячелетий. До нас дошли стихи, письма, эссе, речи, истории, которые я уже упоминала, а также романы, географические описания, сатирические произведения и груды специальных текстов про все на свете – от гидротехники до болезней и медицины. Сохранностью письменных источников мы обязаны средневековым монахам, их прилежанию; они по многу раз переписывали от руки те произведения классической литературы, которые им казались важными или полезными. Существенный вклад внесли средневековые исламские ученые (хотя их роль часто недооценивается), которые перевели на арабский многие философские и научные трактаты. Благодаря археологам, которым удалось раскопать папирусы в песках и свалках Египта, деревянные таблички для письма из римских военных лагерей на севере Англии и красноречивые надгробные камни по всей территории империи, мы можем познакомиться с образом жизни более простых обитателей Древнего Рима. В нашем распоряжении посланные домой записки, списки покупок, бухгалтерские книги и последние слова, высеченные на надгробных камнях. Даже если это малая доля того, что было создано в древности, нам доступно теперь больше литературного материала (и не только литературного) из античного Рима, чем любой человек при всем старании мог бы изучить за всю свою жизнь.

Откуда нам известно о конфликте между Катилиной и Цицероном? История дошла до нас из разных источников, как раз их разнообразие так обогатило рассказ. Есть краткие сведения в работах некоторых античных авторов, в том числе биография самого Цицерона, все они написаны через 100 с лишним лет после основных событий. Более важным и информативным представляется длинный трактат из пятидесяти с лишним страниц, предлагающий подробное изложение и анализ «Катилинской войны» (*Bellum Catilinae*, если придерживаться оригинального названия³). Этот текст был написан лишь 20 лет спустя после «войны», в 40-х гг. до н. э., Гаем Саллюстием Криспом, или просто Саллюстием, как он сейчас известен. Он был, подобно Цицерону, из «новых людей»; друг и союзник Юлия Цезаря, за свою политическую карьеру заслужил неоднозначную репутацию: его наместничество в Северной Африке было скомпрометировано взятками и вымогательством. И несмотря на эту довольно сомнительную карьеру, а может быть, и благодаря ей, труд Саллюстия стал одним из самых острых политических исследований, дошедших до нас от античности.

Саллюстий не просто разворачивал описание восстания, раскрывая его причины и развязку. Он использовал фигуру Катилины как символ более широких проблем и провалов Рима в I в. до н. э. По мнению Саллюстия, основы римской культуры были подорваны успехами римлян, а также богатством, жадностью и жаждой власти, сопровождавшими завоевания в Сре-

³ В русском переводе: «О заговоре Катилины» (пер. В. Горенштейна).

земноморье и подавление важнейших соперников Рима. Критический перелом произошел за 83 года до войны против Катилины, когда в 146 г. до н. э. римские войска, наконец, разрушили Карфаген, родной город Ганнибала на севере Африки. После этого события, писал Саллюстий, уже ничто не могло препятствовать доминированию Рима. Саллюстий допускал, что Катилина обладал некоторыми достоинствами, включая отвагу сражаться на передней линии и сверхъестественную выносливость: «Он был невероятно вынослив в отношении голода, холода, бодрствования». Однако в большей степени он олицетворял пороки Рима того времени.

За трудами Саллюстия стоят не менее живописные документы, восходящие в конечном счете к творчеству Цицерона, с его версией произошедшего. В своих письмах близкому другу Титу Помпонию Аттику, который никогда сам не появлялся на политической сцене, зато закулисно нередко манипулировал действующими лицами, Цицерон признается в своем доброжелательном отношении к Катилине. Среди разных домашних новостей, например, о рождении сына («Можно я тебе расскажу, я стал отцом») или о прибытии новых статуй из Греции для украшения дома, Цицерон сообщает в 65 г. до н. э., что он намеревается защищать Катилину в суде с надеждой на дальнейшее сотрудничество.

Каким образом такие личные письма оказались в общем доступе, остается загадкой. Скорее всего, кто-то из домашней obsługi скопировал письма после смерти Цицерона, и они быстро распространились в кругу любопытствующих – как друзей, так и врагов. В Древнем мире ничего не «публиковалось» в нашем современном понимании. Сохранилось около тысячи писем, написанных великим оратором или адресованных ему в течение последних 20 лет его жизни. Местами пронизанные жалостью изгнанника к себе или скорбью отца, чья дочь умерла в родах, пестрящие упоминаниями о нечистых на руку агентах, разводах, но тут же и об амбициях Юлия Цезаря, эти тексты – одни из самых увлекательных во всем античном наследии.

Не менее удивительна живучесть отрывка поэмы Цицерона о достижениях на консульском поприще. Незаконченная эта поэма была настолько известна, или, скорее, печально известна, что семьдесят строк из нее разошлись на цитаты у последующих античных авторов и у самого Цицерона в более поздних работах. Среди них – нашумевшая строчка, образец дурной поэзии, не затерявшаяся и в Темные века: «*O fortunatam, natam, me consule, Romam!*» (приблизительно: «О, Рим счастливый, рожденный в мое консульство!»). Апофеозом своеобразной скромности Цицерона стало изображение «ассамблеи богов», на которой консул-сверхчеловек обсуждает с божественным сенатом на Олимпе, как ему раскрыть заговор Катилины.

В Риме I в. до н. э. репутация и слава зависели не только от стихийной молвы, но и тщательно (хотя порой и неуклюже) организованной публичной хвалы. Известно, что Цицерон пытался уговорить своего друга историка Луция Лукция дать хвалебную оценку победе Цицерона над Катилиной и последующим событиям. («Я особенно ревностно желал бы, чтобы мое имя было на виду в твоих работах», – признавался он в письме.) Он также надеялся, что один модный греческий поэт сочинит достойную эпическую поэму на ту же тему, ведь Цицерон защищал его сложное дело об иммиграции в римских судах. В конечном счете ему пришлось самому писать поэтическое посвящение – себе. Некоторые современные критики пробовали, правда, не очень убедительно, отстаивать литературные достоинства этого произведения и даже той самой фразы из него: «*O fortunatam, natam...*» Но в большинстве сохранившихся трудов римских критиков высмеивается как тщетность затеи, так и язык поэмы. Даже один из его почитателей, увлеченно бравший у него уроки ораторского мастерства, сожалел, что Цицерон «проявил излишнее рвение». Остальные с радостью высмеивали или пародировали поэму.

Основные сведения о событиях 63 г. до н. э. к нам поступают из записей речей Цицерона, которые он произносил во время готовившегося восстания. Две речи он держал перед народным собранием, внося поправки в них по ходу расследования заговора Катилины. Там же он объявил о победе над отщепенцами. С другой речью Цицерон выступил 5 декабря перед

сенатом во время дискуссии о наказании арестованных. И с самой известной речью, разоблачающей Катилину, он предстал перед сенатом 8 ноября. Попробуем представить себе, как эти слова исходят из уст автора, изображенного на картине Маккари.

Похоже, сам Цицерон вскоре после своих выступлений способствовал распространению всех этих речей в виде копий, кропотливо переписанных небольшой армией рабов. И, в отличие от его поэтических упражнений, они быстро превратились в обожаемую классику, наиболее цитируемую в латинской литературе. Эти речи стали первоклассными образцами ораторского искусства, которые следовало заучивать школьникам и будущим ораторам для подражания до конца античности. Их даже читали и запоминали те, кто не слишком свободно владел латынью. Это продолжалось и в Египте, провинции Римской империи, 400 лет спустя: самые ранние из сохранившихся списков речей Цицерона были найдены на папирусах, датированных IV или V вв. н. э.; от бывших длинных текстов теперь доступны лишь жалкие остатки. Они включают латинские фрагменты и перевод слово в слово на греческий язык. Можно себе представить, как непросто тогда было носителю греческого языка, проживающему в Египте, разобраться в оригинальном языке Цицерона.

Непросто было учащимся и в последующие времена. Это собрание из четырех речей «Против Катилины» (*In Catilinam*), или «Катилинарии», как теперь их чаще называют, легло в основание культурных и образовательных традиций Запада. Благодаря средневековым монахам, которые копировали и распространяли эти тексты, обучая латыни одно поколение за другим, эпоха Возрождения получила богатое литературное наследие и смогла изучать и анализировать эти шедевры. Даже в наше время речи Цицерона занимают достойное место в учебных программах по латыни, и они остаются образцом убедительной риторики, приемы которой используются в самых известных выступлениях современных ораторов, включая Тони Блэра и Барака Обаму.

Много времени не потребовалось, чтобы фраза, открывавшая речь Цицерона 8 ноября («Первая Катилинария»), стала популярной и легко узнаваемой во всем латинском мире: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?» (*Quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?*) А дальше, всего несколькими строками ниже, следует броское, часто повторяемое восклицание: «О времена, о нравы!» (*O tempora, o mores.*) Скорее всего, фраза «*Quo usque tandem...*» уже прочно отпечаталась в римском литературном сознании к моменту, когда Саллюстий писал свой вариант «Заговора» всего 20 лет спустя. настолько прочно, что Саллюстий, со всей едкостью и игривой ироничностью, решил вложить ее в уста Катилины: «Доколе будете терпеть это, храбрые мужи?» (*Quae quo usque tandem patiemini, o fortissimi viri?*) Так выведенный Саллюстием персонаж революционера встряхивал своих товарищей, напоминая им обо всех несправедливостях к ним со стороны политической элиты. Обращение Катилины – всецело плод воображения Саллюстия. Древние авторы часто сочиняли речи за своих главных героев, подобно современным историкам, которые придумывают переживания и мотивы за действующих лиц. Шутка в том, что Катилина, главный враг Цицерона, говорит словами своего антагониста.

И это лишь одно из искаженных отражений-цитирований знаменитой фразы в кривом зеркале иронии и черного юмора. Так часто случалось в римской литературе, когда описывались революционные замыслы. Через несколько лет после Саллюстия Тит Ливий затеял огромный труд: историю Рима с самого начала. В замыслах было представить 142 «книги» – огромный проект, даже если учесть, что в Риме книгой считался текст, умещавшийся на свитке папируса, что больше похоже на современную главу. То, что хотел Ливий сказать о Катилине, до нас не дошло. Однако для описания более ранних гражданских конфликтов за несколько веков до этого кризиса, в частности, заговора Марка Манлия, предполагаемого организатора восстания плебеев против тирании патрициев, Ливий прибегнул к своей оригинальной версии классической фразы. Он вообразил Манлия вопрошающим: «Доколе вы еще будете пребывать

в неведении своей силы?» (*Quo usque tandem ignorabitis vires vestras?*) Это «доколе...» должно было, по мнению историка, внушить беднякам веру в свои силы и успех.

Но дело не только в словесном эхо. И не только в фигуре Катилины, олицетворяющего дерзкого злодея, хотя в римской литературе он, безусловно, и получил это амплуа. Его имя стали использовать как прозвище непопулярных императоров. Полвека спустя Публий Вергилий Марон (больше известный как Вергилий) вывел в своей поэме «Энеида» яркого второстепенного персонажа – злодея Катилину, страдающего в подземном Тартаре: он «в лица фурий глядит, неотступным терзаемый страхом».⁴ Гораздо важнее, как конфликт между Цицероном и Катилиной стал поучительным мотивом, объясняющим развитие гражданского неповиновения и мятежных настроений в истории Рима и в глобальной истории. Когда римские историки писали про революцию, сквозь строки часто проступал образ Катилины, даже ценой странных инверсий хронологии. Созданный Ливием образ Марка Манлия, знатного римлянина, тщетно взывавшего к революции при поддержке обнищавшей черни, с помощью тонких речевых намеков обретает черты Катилины, становясь своего рода ретроспективной проекцией.

⁴ Пер. С. Шервинского.

Обратная сторона истории

Может ли у рассказанной истории не быть другой версии? Самое подробное свидетельство вышло из-под пера Цицерона и отражает его точку зрения, таким образом, его видение ситуации будет всегда доминирующим. Но это не означает, что оно истинно во всех смыслах, или что это единственно возможный взгляд на вещи. На протяжении столетий людям хотелось понять, насколько тенденциозным было изложение Цицерона, и разглядеть между его строк альтернативные точки зрения и интерпретации. Сам Саллюстий дает красноречивую подсказку. Несмотря на то что его труд во многом основан на текстах Цицерона, перемещение знаменитого «доколе...» из уст последнего в уста Катилины могло напоминать читателям о том, что факты и их интерпретация, мягко говоря, неустойчивы.

Один из очевидных вопросов – были ли в речи под названием «Первая Катилинария» именно те слова, что Цицерон произнес перед собравшимися в храме Юпитера сенаторами 8 ноября. Трудно поверить, чтобы это полностью было выдумкой. Как бы ему могло сойти с рук распространение версии, не имеющей ничего общего с тем, что он сказал публично? Однако не менее очевидно, что его выступление записано не слово в слово. Если он перед сенатом говорил «по бумажке», опираясь на античный вариант PowerPoint, тогда тот текст, каким мы располагаем, представляет собой нечто среднее между тем, что он записал по памяти, и тем, что он намеревался сказать. Даже если бы он в храме Юпитера воспользовался подробными записями с полным текстом выступления, то, распространяя речь среди друзей, союзников и тех, на кого он хотел произвести впечатление, Цицерон наверняка попытался бы ее улучшить, «почистить хвосты», вставить несколько более удачных остроумий, которые могли не прийти в голову сразу, в тот день.

Многое зависит еще от того, в какой точно день началось распространение речи и почему. Как мы знаем из письма Аттику, Цицерон намеревался организовать копирование «Первой Катилинарии» в середине июня 60 г. до н. э., когда еще не затихли разговоры о неправомерности его решения казнить заговорщиков. Тогда было очень соблазнительно и удобно использовать речь в письменном виде для своей защиты, и он мог сделать для этого некоторые стратегически оправданные поправки и вставки. В самом деле, постоянное обращение к Катилине как к иноземному врагу (на латыни *hostis*) могло быть ответом Цицерона на нападки оппонентов: приравнивание заговорщиков к врагам государства означало, что они не находились под защитой римского закона и утратили гражданские права (включая право на судебное разбирательство). Хотя, конечно, это могло быть лейтмотивом уже устного варианта выступления 8 ноября. Нам это просто неизвестно. Но этот термин приобрел явный вес в окончательной версии речи, и я сильно подозреваю, что акцент на нем был сделан умышленно.

Все эти вопросы вынуждают нас активнее искать другие версии этой истории. Если отставить в сторону точку зрения Цицерона, есть ли возможность понять позицию Катилины и его последователей? Середина I в. до н. э. для нас освещена лучами цicerонова слова. Тем не менее всегда есть смысл попытаться прочесть его версию или чью-либо другую версию «против шерсти», расшивая трещинки в повествовании при помощи фрагментов других, независимых свидетельств, которые есть у нас в распоряжении. Может быть, другие обозреватели видели события под другим углом зрения? Были ли те, кого Цицерон выставил чудовищными злодеями, в действительности такими уж злодеями, какими их изобразил великий оратор? У нас есть некоторые основания усомниться в том, как все происходило на самом деле.

4. Эта серебряная монета была выпущена в 63 г. до н. э. На ней изображен римлянин, который голосует за какой-то законодательный акт и бросает табличку для голосования в счетный сосуд. Разная детализация рисунков на двух монетах связана с разным качеством штемпелей. Имя ответственного за тираж того года – Лонгиний – также нанесено на монету

Цицерон назначил Катилину на роль сорвиголовы, погрязшего в жутких долгах игрока, аморального человека. Но ситуация не могла быть такой однозначной. В 63 г. до н. э. в Риме существовали ограничения кредитования, были и другие экономические и социальные проблемы, которые Цицерон, возможно, не был готов признать. Еще одним достижением «великого консульства» Цицерона была отмена предложения о раздаче земли в Италии некоторым бедным горожанам. Иными словами, если Катилина вел себя как сорвиголова, это значит, что у него могла быть серьезная причина для этого и широкая поддержка простых людей, доведенных до отчаяния схожими обстоятельствами.

Откуда мы можем про это узнать? Экономiku труднее реконструировать по прошествии 2000 лет, чем политику, однако некоторые неожиданные штрихи мы можем разглядеть. Информация, которую раскрывают нам сохранившиеся монеты, исключительно ценна, она свидетельствует как о жизни тех времен, так и об изобретательности современных историков и археологов, выжимающих из полученного материала максимум сведений. Римские монеты могут быть довольно точно датированы, потому что в этот период каждый год менялось их оформление и они «подписывались» ответственными за выпуск должностными лицами. Их чеканили, используя серии вручную созданных матриц или штемпелей, и на поверхности готовых монет до сих пор видны еле заметные отличия. Можно примерно подсчитать, сколько монет мог вычеканить один штемпель, ведь в процессе работы он затуплялся и терял способность оставлять четкое изображение. И если мы имеем достаточно большую выборку монет, можно оценить, сколько штемпелей могло понадобиться для изготовления одного выпуска монет. Таким образом, можно определить, сколько всего монет выпускалось в год: чем больше штемпелей, тем больше монет, и наоборот.

Согласно всем этим выкладкам, чеканка монет в Риме в конце 60-х гг. до н. э. резко сократилась, общее количество монет в обращении уменьшилось по сравнению с предыдущими годами. Восстановить причины такого явления невозможно. Как и во всех европейских государствах вплоть до XVIII в. или еще более позднего времени, в Риме не было денежно-кредитной политики как таковой, равно как и государственного органа, которым такая политика могла бы разрабатываться. Однако результат очевиден. Проиграл ли в азарте свое состояние Катилина или нет, ему могло просто не хватать наличности, равно как и многим другим рим-

лянам; а те, кто уже имел долги, столкнулись с кредиторами, жаждущими в условиях дефицита денег получить обратно займы.

Все это, скорее всего, лишь сопровождало более давние экономические проблемы, что могло подтолкнуть бедных и неимущих жителей Рима к восстанию или присоединению к тем, кто обещал радикальные перемены. Громадное неравенство между бедными и богатыми, нищенские условия проживания для большинства населения и, если не голод, то постоянное недоедание большую часть года – вот некоторые штрихи к исторической зарисовке Рима того времени. Невзирая на пренебрежительное описание Цицероном сторонников Катилины как распутников, негодяев, бандитов и нищих, логика его собственного изложения, а также работ Саллюстия подсказывает другой вывод. В них прямо или косвенно говорится, что Катилина лишился поддержки, когда стало известно, что он намеревается поджечь город. Если это так, то не стоит представлять себе сторонников Катилины нищими, которые «были никем и станут всем» благодаря «мировому пожару» (т. е. римскому). Более вероятно, что это скромные несчастные бедняки, которым было за что держаться и что терять в родном городе.

Цицерону, безусловно, было выгодно сгустить краски при описании опасности, исходящей от Катилины. Ведь, несмотря на успехи в политике, его положение на вершине римского общества было весьма шатким. Ему приходилось уживаться с представителями аристократических семей, которые, подобно Катилине, были прямыми потомками основателей Рима или даже богов. Семья Юлия Цезаря, например, гордилась своим происхождением от богини Венеры, а другая семья, как ни странно, утверждала, что ведет родословную от мифической Пасифаи, жены царя Миноса, которая от необычной связи с быком произвела на свет чудовище Минотавра. Чтобы упрочить свое положение в этих кругах, Цицерону хотелось, несомненно, вызвать какую-нибудь сенсацию во время своего консульства. Эффектная победа над воинственными варварами была бы идеальна, это как раз то, о чем мечтали многие римляне. Рим всегда был страной воинов, и самый верный путь к славе лежал через победы на военном поприще. Но все это было чуждо Цицерону: он обрел свою известность в судах, а не на войне, не сражаясь с опасными или менее удачливыми иноземцами. Ему требовалось «спасти отечество» каким-то другим способом.

5. На этом надгробии IV в. изображен простой способ чеканки монеты. Заготовка укладывается между двумя штемпелями, нижний из которых лежит на наковальне. Мужчина слева ударяет тяжелым молотом по этому «бутерброду», отпечатывая рисунок на заготовке. Судя по щипцам в руке ассистента справа, заготовка предварительно была нагрета в печи, чтобы легче чеканился рисунок

Некоторые римские комментаторы заметили, что кризис играл на руку Цицерону. В одном анонимном памфлете, ошибочно принятом за произведение Саллюстия и потому сохранившемся, недвусмысленно сказано, что Цицерон «обернул тяготы государства себе во благо» и даже более того – что его консульство стало причиной заговора, а не спасением от него. Вопрос, проще говоря, состоит не в том, действительно ли Цицерон преувеличивал опасность заговорщиков, а в том, насколько сильно он это делал.

Самые отчаянные скептики наших дней полагают всю историю с заговором плодом воображения Цицерона. Тогда человек, назвавшийся «коллекционером оружия», им и являлся, обличительные письма были подделкой, депутация галлов оказалась сборищем обманутых консулом простаков, а слухи о готовившихся убийствах – проявлением паранойи. Такая радикальная точка зрения кажется маловероятной. В конце концов, было сражение между сторонниками Катилины и римскими легионерами, лицом к лицу, которое никак нельзя считать выдумкой. Более правдоподобным кажется, что Катилина – прозорливый радикальный политик или беспринципный террорист – отчасти был доведен до отчаянных мер консулом, который явно лез в драку и пекся о собственной славе. Цицерон мог просто убедить себя, независимо от наличия свидетельств, что Катилина представлял серьезную угрозу для безопасности Рима. Насколько нам известно из более современных сюжетов, так проявляется политическая паранойя в сочетании с эгоистическим интересом. Мы ни в какой версии не можем быть до конца уверенными. История с «заговором» всегда будет прекрасным примером классической дилеммы интерпретаций: были ли действительно «красные под кроватью», т. е. революционеры повсюду, или этот кризис был хотя бы отчасти плодом воображения консерваторов? Все

это должно побуждать нас искать и рассматривать в истории Рима, равно как и в истории других стран, обратную сторону медали, что и представляется одной из задач книги «SPQR».

Наш Катилина?

Схватка между Цицероном и Катилиной стала на все времена моделью политического конфликта. Трудно поверить, чтобы для оформления зала заседаний современного сената Италии в палаццо Мадама случайно была заказана Маккари картина, изображающая события 8 ноября, наряду с другими эпизодами истории Рима. Сенаторы должны были извлечь урок. Не только историкам на многие века хватило вопросов для жарких дискуссий: что было хорошего и плохого в «заговоре», каковы были пороки и достоинства Катилины и Цицерона соответственно, в какую сторону можно сдвигать грань между национальной безопасностью и гражданскими свободами.

Время от времени история заговора кардинально переписывалась. По одному средневековому преданию из Тосканы, Катилина выжил в сражении с римскими легионерами и продолжал свой путь народным героем; в дальнейшем его судьба пересеклась с женщиной по имени Белиция, с которой он вступил в запутанные романтические отношения. По другой версии, у него родился сын Уберто, и он стал, таким образом, родоначальником флорентийской династии Уберти. Проспер де Кребийон, чья пьеса «Катилина» была поставлена в середине XVIII в., пошел еще дальше: его фантазия соединила Катилину с дочерью Цицерона Туллией, не утаив некоторые откровенные любовные сцены в римском храме.

Когда заговор становился частью сюжета в литературе или драматургии, обычно четко проступали политические наклонности автора и политический климат эпохи. Генрик Ибсен в своей первой пьесе, отражая настроения в Европе после революций 1840-х гг., сделал события 63 г. до н. э. основной темой. Революционер Катилина здесь противостоит коррупции, заразившей мир, в котором он живет, в то время как Цицерон в действии не участвует, на сцене не появляется и вообще едва ли упоминается (мог ли он вообразить себе что-то страшнее?). Для Бена Джонсона, писавшего под впечатлением раскрытия Порохового заговора, напротив, Катилина был антигероем, садистом, чьи многочисленные жертвы пришлось погрузить на целую флотилию для транспортировки по реке Стикс в подземный мир. Его Цицерон, правда, ненамного лучше, он просто бубнящий зануда, настолько скучный, что во время премьеры в 1611 г. часть публики покинула зал как раз во время нескончаемой речи, разоблачающей Катилину.

Джонсон был явно несправедлив к Цицерону и его убедительной риторике – по крайней мере, если цитируемость и многократные адаптации речей что-то значат. Ведь его «Первая Катилинария» и особенно знаменитая строчка «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?» по-прежнему узнается в политической риторике XXI в., красуется на современных политических плакатах и удобно помещается в твит, не выходя за рамки 140 знаков. Все, что требуется сделать, – это вписать нужное имя. За время создания этой книги в потоке твитов и заголовков уже сменилось имя Катилины на имена президентов США, Франции и Сирии, мэра Милана и государство Израиль: «Доколе же Вы, Франсуа Олланд, будете злоупотреблять нашим терпением?» и т. д. Трудно сказать, сколько людей из тех, кто использовал крылатую фразу, могли бы объяснить, откуда она взялась или в чем суть конфликта между Цицероном и Катилиной. Вряд ли много найдется политически мотивированных или классически образованных среди всех несогласных и протестующих. Живучесть этой фразы указывает на что-то, лежащее вне интереса экспертов по античности, и, возможно, что-то более важное. Это намек на то, что под поверхностью текущей западной политики с трудом припоминаемый конфликт между Цицероном и Катилиной все еще задает модель наших собственных политических баталий и споров. Красноречие Цицерона, даже понятое наполовину, по-прежнему определяет язык современной политики.

6. Венгерские активисты на митинге в 2012 г. против попыток правящей партии Фидес переписать конституцию демонстрируют плакат со знаменитой фразой Цицерона на латыни «Доколе...». Но не только в политике использовался удобный шаблон. В своем знаменитом споре с Мишелем Фуко американский культуровед Камилла Палья заменила имя Катилины на имя французского философа: «Доколе, о Фуко..?»

Цицерон был бы в восторге. Обращаясь в письме к своему другу Лукцею с просьбой запечатлеть достижения его консульства, он действительно мечтал о вечной славе. «Мысль о том, что обо мне будут говорить потомки, дает некоторую надежду на бессмертие», – писал он с налетом притворной скромности. Лукцей, как мы видели, не помог. Его могло оттолкнуть бесстыдное предложение Цицерона «пренебречь законами истории» ради льстивого восхваления успехов за счет точности описания событий. Но в конечном счете оказалось, что Цицерон обрел больше бессмертия своими деяниями в 63 г. до н. э., чем Лукцей мог обеспечить своими творениями, если учесть бесконечное и многослойное цитирование речей Цицерона за прошедшие 2000 лет.

Мы обнаружим в дальнейших главах еще больше политических конфликтов, спорных интерпретаций и порой неуютные отголоски нашего времени. А сейчас самое время расстаться с относительно твердой почвой I в. до н. э. и окунуться в глубины более древней истории Рима. Как Цицерон и его современники реконструировали ранний период истории своего города? Почему так важна для них была их родословная? Что означает вопрос: «Где начинался Рим»? Много ли мы знаем теперь достоверного о раннем Риме и много ли о нем знали сами римляне I столетия?

Глава 2

В самом начале

Цицерон и Ромул

По одному римскому преданию, храм Юпитера, где Цицерон произносил свою пламенную речь против Катилины 8 ноября 63 г. до н. э., был построен семью веками ранее Ромулом, отцом-основателем Рима. Представим себе, как Ромул и члены его маленькой общины сражаются с соседним племенем сабинян на том месте, где позже появился Форум, политический центр Рима времен Цицерона. Дела идут не очень хорошо для римлян, они вынуждены отступать. Ромул предпринимает последнюю попытку ухватить победу – он молится богу Юпитеру, и не просто Юпитеру, а Юпитеру Статору, т. е. «помогающему выстоять». Ромул обещает в благодарность богу построить храм, если римляне, отстаивая свою землю, смогут противостоять страху и не разбегутся. Римляне справились. Храм Юпитера Статора был возведен точно на месте молитвы Ромула и стал первым в ряду святилищ и храмов, посвященных божественной помощи Риму в достижении побед.

Такова, по крайней мере, была история, рассказанная Ливием и некоторыми другими авторами. Археологам еще не удалось найти надежные свидетельства о местонахождении храма Юпитера, учитывая, что ко времени консульства Цицерона здание, являющееся ровесником города, много раз перестраивалось. Безусловно, Цицерон, назначая там собрание сенаторов, хорошо знал, что делал. У него перед глазами стоял образ Ромула, и он намеревался использовать место символически. Он хотел внушить римлянам непоколебимость («помочь выстоять») перед лицом нового врага, Катилины. Фактически это он и сказал в конце своей речи, когда, простирая руки, конечно, к статуе Юпитера Статора, напомнил своим слушателям об обстоятельствах основания храма:

А ты, Юпитер, чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан.⁵

Мысль Цицерона о том, что он подобен Ромулу, была вполне очевидна современникам, но эта аналогия оказала и «медвежью услугу»: для некоторых это стало поводом напомнить о провинциальном происхождении Цицерона насмешливым прозвищем «арпинский Ромул».

У римлян было обычной практикой обращение к отцам-основателям, к легендарным рассказам о ранней истории Рима и о его становлении. Даже в наши дни этот образ – волчица, вскармливающая младенца Ромула и его брата-близнеца Рема, – символизирует зарождение Рима. Изображающая эту сцену знаменитая бронзовая статуя стала одним из самых тиражируемых и мгновенно узнаваемых произведений римского искусства. Она попала на всевозможные открытки, кухонные полотенца, пепельницы и магниты на холодильник, а также на эмблемы футбольного клуба «Рома», развешенные по всему современному городу.

Этот сюжет стал таким популярным, что очень легко принять его как что-то само собой разумеющееся, хотя история Ромула и Рема – или, если придать именам привычный для Рима порядок, Рема и Ромула – одна из самых странных «исторических легенд» об основании какого-либо города во всем мире и во все времена. И хотя римляне верили, что это повествова-

⁵ Пер. В. Горенштейна.

ние, в широком смысле, – история, оно, безусловно, является настоящим мифом. Вскармливание волчицей мальчиков-близнецов настолько необычный эпизод не менее странного рассказа, что даже некоторые античные авторы позволяли себе здоровый скепсис по поводу появления кормящей самки, спасшей брошенных малышей. Остальная часть сюжета являет собой экстравагантную смесь озадачивающих деталей: наличие двух основателей (Ромула и Рема), а не одного, что было более привычно, и череда явно негероических поступков – за братоубийством последовали похищение женщин и насилие, а среди первых поселенцев Рима преобладали преступники и беглые рабы.

7. Независимо от волчицы, каким бы веком ее ни датировали, близнецы представляют отдельную более позднюю скульптурную группу, созданную в XV в. для иллюстрации мифа об основании Рима. Копии «разбежались» по всему миру, частично благодаря Бенито Муссолини, который щедро дарил их как символ «римского духа», *«Romanità»*

Эти несимпатичные подробности настолько впечатлили некоторых современных исследователей, что им пришла в голову мысль, не состряпана ли вся эта история для своего рода антипропаганды со стороны врагов и жертв Рима, испуганных стремительной экспансией города. Это, конечно, чересчур изощренная и даже отчаянная попытка объяснить странности легенды, и здесь упущен один очень важный момент. Не столь существенно, где и когда она возникла, но римские авторы никогда не прекращали рассказывать, пересказывать и обсуждать историю Ромула и Рема. Здесь сконцентрировано нечто большее, чем подробности формирования молодого города. Когда сенаторы, теснясь, устраивались в храме Юпитера, чтобы заслушать новоявленного «арпинского Ромула», они прекрасно осознавали, что легенда об основании Рима дает им некоторые идеи о том, что означает быть римлянами, какие черты им свойственны, какие слабости и недостатки они унаследовали от предков.

Чтобы понять древних римлян, нужно прежде всего понять, как они представляли себе собственное происхождение, нужно вникнуть в смысл предания о Ромуле и Реме и в основные темы, а также намеки и хитросплетения других легенд об основании Рима. Ведь близнецы были не единственными кандидатами на роль первых римлян. Не менее важной в римской истории считается фигура троянского героя Энея, который доплыл до Италии, чтобы основать новую

Трою. Нужно разобраться, что стоит за этими легендами. «Как начинался Рим?» – этот вопрос терзает современных ученых не меньше, чем древних. Археология нам рисует картину, отличную от мифологического пейзажа. Она довольно неожиданна и противоречива. Даже бронзовая волчица дает пищу жарким спорам. Является ли она в самом деле одним из самых ранних сохранившихся произведений искусства Древнего Рима? Или это шедевр из средневековых мастерских, как предполагает одно из позднейших исследований? В любом случае раскопки под современным городом на протяжении последних ста с лишним лет предъявили нам некоторое количество артефактов тысячелетней давности, следов того маленького городка на реке Тибр, которому суждено было превратиться в Рим Цицерона.

Убийство

Единой истории Ромула нет. Есть десятки различных, порой несовместимых, вариантов легенды. Изложение одной из версий можно найти в трактате Цицерона «О государстве», написанном спустя десять лет после схватки с Катилиной. Как и многие политики после него, во время неблагоприятного периода публичной карьеры Цицерон усиленно занялся политической теорией, сопровождая теоретизирования напыщенными проповедями. На фоне странного рассуждения о философских аспектах хорошего государства он рассмотрел историю возникновения и развития Рима с самых первых дней. После небольшого вступления, где он довольно неуклюже обошел вниманием вопрос о достоверности происхождения Ромула от бога Марса, попутно подвергая сомнению прочие детали сюжета, Цицерон приступил к подробному обсуждению географических преимуществ места, которое Ромул выбрал для нового поселения.

«Каким образом Ромул, – пишет Цицерон, – смог бы с более божественной мудростью использовать преимущества приморского расположения города и в то же время избежать его опасностей, как не тем, что заложил город на берегу реки, которая течет непрерывно и равномерно и, впадая в море, образует широкое устье?»⁶ Тибр, по его мнению, помогал доставлять грузы из других стран и вывозить все, что было в изобилии; холмы, на которых раскинулся город, служили не только идеальной защитой от неприятеля, но и пристанищем со здоровыми условиями жизни посреди «чумной местности». Как будто Ромул знал наперед, что его детище станет центром великой империи. Цицерон приводит подробное географическое обоснование мудрости Ромула, последующие авторы тоже обращали внимание на выгодное стратегическое положение города, которое давало преимущества перед соперниками. Однако Цицерон патристично скрыл тот факт, что река, «которая течет непрерывно и равномерно», в античные времена превращала Рим в жертву разрушительных затоплений, и что несмотря на холмы эта «чума» (малярия) была одним из основных угроз для населения города вплоть до конца XIX в.

Среди версий легенды об основании Рима изложенная Цицероном не самая известная. Тот вариант, который лежит в основе всех современных текстов на эту тему, принадлежит перу Ливия. Несмотря на столь огромное значение его работы для нашего понимания ранней истории Рима, о Ливии как о человеке осталось удивительно мало сведений: он родом из Патавиума (Падуи) на севере Италии, начал писать свой труд «История от основания города» в 20-х гг. до н. э. Ливий был достаточно близок к императорской семье, ему удалось вдохновить будущего императора Клавдия на написание исторических записок. История Ромула и Рема неизбежно занимает видное место в его первой книге, с меньшим количеством географических подробностей, но с более увлекательным и красочным повествованием, чем у Цицерона. Ливий начинает с близнецов, затем бегло обозревает легендарные события и останавливается на более поздних достижениях уже одного Ромула в качестве основателя Рима и первого царя.

По Ливию, малышей родила жрица-девственница по имени Рея Сильвия в городе Альба-Лонга в Альбанских горах к югу от места, где позже возник Рим. Весталкой она стала не по своей воле: она оказалась жертвой междоусобной борьбы за царский престол между своим дядей Амулием и отцом Нумитором. Амулий принудил ее к принятию обета безбрачия, чтобы предотвратить появление наследников-конкурентов в роду своего брата. Предосторожность результатов не дала, так как Рея Сильвия вскоре забеременела. Согласно Ливию, она настаивала, что была обещана богом Марсом. Ливий, как и Цицерон, с сомнением относится к этой версии; по его словам, Марс мог быть удобным прикрытием для более земной связи. Дру-

⁶ Пер. В. Горенштейна.

гие источники, однако, с уверенностью, словно об установленном факте, пишут о появлении фаллоса (самостоятельного, без тела) в пламени священного огня перед весталкой.

Сразу после родов Амулий приказал рабам бросить новорожденных близнецов в воды близлежащей реки Тибр, но они спаслись. Как и во многих подобных сюжетах, встречающихся в сказках разных народов, люди, которым давали такие неприятные поручения, были не в состоянии выполнить задание слово в слово. Рабы Амулия оставили близнецов в корзине не непосредственно в воде, а на берегу разлившейся реки. В тот момент, когда прибывающая вода готова была унести малышей навстречу гибели, появилась та самая кормилица-волчица им во спасение. Ливий был одним из римских авторов-скептиков, которые пытались рационально объяснить этот наименее правдоподобный эпизод. Латинское слово *lupa* означало не только «волк», но и в разговорном языке «проститутка» (публичный дом назывался *lupanar*). Может быть, не дикий зверь, а местная шлюха нашла близнецов и позаботилась о них?

Кем бы *lupa* ни оказалась, мальчиков в итоге подобрал добрый пастух. Может быть, его жена была проституткой? – прикидывал Ливий. Ромул и Рем жили в крестьянской семье, неузнанные до поры до времени. Когда молодые люди повзрослели, судьба неожиданно свела их с дедом, свергнутым царем Нумитором. Близнецы восстановили его на престоле и решили строить свой город. Однако вскоре поссорились друг с другом, и дело дошло до братоубийства. Ливий предположил, что те же самые амбиции и кровавое соперничество, испортившие отношения между братьями Амулием и Нумитором, передались через поколение и столкнули Ромула и Рема.

Близнецы разошлись во мнении, где именно заложить новый город, в частности на каком из холмов будет его центр (холмов, к слову говоря, было не семь, как принято думать, а больше). Ромул выбрал Палатин, на нем позже строили резиденции императоров, и от этого названия произошло слово «дворец» во многих европейских языках, например в английском (*palace*). Рем предпочел Авентин и в разгар спора с братом стал, издеваясь, перепрыгивать через границу, намеченную Ромулом вокруг будущего города. Есть несколько версий дальнейшего сценария. Согласно самому распространенному изложению (по Ливию), Ромул тут же убил брата и тем самым сделался единовластным правителем на территории, получившей его имя. Когда близнец нанес брату смертельный удар, он, по словам Ливия, воскликнул: «Так будет со всяким, кто осмелится переступить стены моего города!» Это оказался очень подходящий девиз для города, который всегда позиционировался как воинственное сообщество, но развязывал многочисленные войны якобы лишь в ответ на агрессию: все войны Рима – исключительно «справедливые войны».

Похищение

Рем был мертв. В городе, который он помог основать, поселилась жалкая горстка друзей и единомышленников Ромула. Город нуждался в жителях. Ромул объявил его «убежищем», куда стал стекаться всякий сброд со всей остальной Италии: беглые рабы, осужденные преступники, ссыльные и беженцы. «Убежищем» воспользовалось множество мужчин. Чтобы добыть женщин, как рассказывает Ливий, Ромулу пришлось прибегнуть к ухищрению, точнее – к похищению. Он пригласил соседей – сабинян и латинян, населявших местность вокруг Рима под названием Лациум, с семьями, на религиозный праздник, обещая вдоволь игр, угощений и развлечений. В разгар гуляний Ромул дал своим людям условный знак выхватывать женщин из толпы гостей. Похищенные должны были стать их женами.

В XVII в. Никола Пуссен, известный своими античными реконструкциями, изобразил сцену похищения сабинянок так: Ромул стоит на помосте на фоне величественных, отчасти недостроенных зданий, спокойно взирая на разворачивающиеся у его ног насилие. Римляне I в. до н. э. с радостью признали бы на этой картине изображение своего города в древности. И хотя сами они часто изображали Рим Ромула как пейзаж с овечками и глинобитными домиками среди болот, не менее привлекательным было идеализированное представление о роскошном, изначально совершенном классическом городе. Во все времена сцену похищения пытались представить на разные лады и в разных жанрах. В 1954 г. появляется мюзикл «Семь невест для семерых братьев» – пародия на сюжет с сабинянками, на этот раз похищение происходит во время освоения американского Запада. В 1962 г. в ответ на Карибский кризис у Пабло Пикассо рождается серия картин, открывающая новые, более жесткие грани в теме похищения сабинянок (см. цв. вклейку, илл. 3).

8. На этой серебряной монете 89-го г. до н. э. изображены два римских гражданина, похитившие двух сабинянок. Хорошо читаемое имя ответственного за чеканку монеты, Титурия Сабина, объясняет выбор темы для монеты. На оборотной стороне изображена голова сабинского царя Тита Татия

У римских авторов эта часть легенды вызывала всегда споры. Была написана целая трагедия на эту тему, которая, за исключением одной цитаты, не оставила следа в литературе. Писателей волновали разные детали, особенно количество похищенных девушек. Ливий не обременяет свой рассказ количественными данными, другие оценки варьируются – от 30 до

подозрительно точной и неправдоподобно завышенной цифры 683. Последняя взята, скорее всего, из трудов Юбы, африканского царевича, еще ребенком привезенного в Рим Юлием Цезарем и получившего разностороннее образование, включавшее в себя историю Рима и тонкости латинской грамматики. Больше всего исследователей, конечно, волновал откровенно криминальный и насильственный характер мероприятия. В конце концов, это было первое свидетельство о свадьбах в истории Рима, к которому ученые впоследствии обращались, чтобы объяснить особенности римских матримониальных традиций, например загадочное восклицание «О, Талассий!». Ее происхождение связывают с именем молодого римлянина – участника событий. Означает ли это, что институт брака в Риме с самого начала опирается на похищение и насилие? Где пролегла демаркационная линия между ними? И что этот эпизод в целом говорит нам о воинственности Рима?

Ливий защищает тех ранних римлян. Он настаивает, что они похищали только незамужних женщин: это было браком, а не прелюбодеянием. Он подчеркивает, что римляне захватывали случайно попавшихся женщин, не выбирая, и это доказывает их стремление только к необходимым действиям во благо их сообщества, к тому же похищение сопровождалось уверениями в любви и преданности свежееиспеченных супругов. Он также представляет действия римлян как реакцию на неоправданно грубое поведение соседей. Римляне, по словам Ливия, сначала правильно поступили, пытаясь сблизиться с соседями и предложив им договор, по которому жители городов получали право жениться на дочерях друг друга. Ливий откровенно – и совершенно анахронично – апеллирует здесь к праву на создание семьи (*conubium*), в том числе к закону, разрешающему брак между представителями разных племен, но эти браки стали неотъемлемой частью союза Рима с другими государствами значительно позже. Он пишет, что римляне прибегли к насилию только после того, как соседи ответили решительным отказом на их предложение. Таким образом, перед нами очередной пример «справедливой войны».

У других авторов складывается немного иная картина. Некоторые усмотрели с самого начала признаки воинственности римлян. Конфликт не был спровоцирован сабинянами, и тот факт, что взяли в плен только тридцать девушек (если их было всего тридцать), демонстрирует, что на уме у римлян была война, а не женщины. У Саллюстия есть предположения на эту тему. В его «Истории Рима» (этот значительно более обширный, чем «Заговор Катилины», трактат сохранился лишь во фрагментах) помещено выдуманное письмо (плод его воображения), будто бы написанное одним из злейших врагов Рима. Автор письма жалуется на грабительские склонности римлян на протяжении всей их истории: «С самого начала у них было только то, что они украли: их дома, их жены, земли, империя». Пожалуй, единственным выходом было списать все на волю богов. «А что вы хотите, – писал другой римский автор, – если отец Ромула был Марс, бог войны?»

Еще одну линию наметил Овидий (полное римское имя – Публий Овидий Назон). Практически современник Ливия, он был настолько же смел, насколько Ливий консервативен. В 8 г. н. э. Овидий впал в немилость и был сослан, частично из-за своей остроумной эпатажной поэмы о поиске партнера «Наука любви». В своей поэме Овидий переворачивает историю похищения, изложенную Ливием, с ног на голову и преподносит ее как примитивный сценарий флирта: только эротика, ничего общественно важного. Римляне у Овидия начинают с того, что «каждый глазами себе выбирает желанную деву», и дальше после поданного сигнала «каждый добычу свою жадной хватает рукой».⁷ Вскоре они уже шепчут нежности на ухо своим жертвам, страх на лицах которых делает их еще привлекательнее. Праздники и увеселения, шаловливо отмечает поэт, всегда, еще с легендарных времен, были подходящим местом для знакомств.

⁷ Пер. М. Гаспарова.

Или, с другой стороны, по мнению Овидия, какую замечательную награду придумал Ромул своим верным солдатам: «Дай такую и мне – тотчас пойду воевать!»

Однако, по традиционному сюжету, родителям девушек похищение не показалось ни смешным, ни романтическим. Они пошли войной на римлян, чтобы вернуть дочерей. Римляне с легкостью отразили латинян, но не сабинян. Конфликт затянулся. Люди Ромула впервые столкнулись с серьезной угрозой новому городу, и их предводитель вынужден был призвать Юпитера Статора, чтобы тот остановил бегство римлян. Об этом эпизоде и напомнил Цицерон сенаторам, позабыв, правда, уточнить, что причиной этой войны были украденные девушки. Враждебные действия в итоге только сами похищенные и смогли остановить, ведь им уже небезразличны были их римские мужья и дети. Они смело вступили в сражение, умоляя мужей с одной стороны и отцов – с другой прекратить кровопролитие. «Мы лучше умрем, чем останемся жить без одних или других, вдовами или сиротами», – восклицают они у Ливия. Их вмешательство имело успех. Не только был установлен мир, но Рим с той поры стал смешанным сабино-римским городом, единым сообществом под совместным правлением Ромула и сабинского царя Тита Татия. Совместное правление, правда, было недолгим: через несколько лет насильственная смерть, которая станет привычным элементом борьбы за власть в Риме, настигла Татия в близлежащем городке в результате мятежа, отчасти спровоцированного им самим. Ромул вновь остался единоличным правителем. Первый римский царь пробыл у власти тридцать с лишним лет.

Брат против брата, периферия против центра

Под покровом всех этих легенд таятся самые важные темы дальнейшей истории Рима, глубинные черты его национальной культуры. Они много могут нам поведать о ценностях и заботах римлян, по крайней мере тех, кто мог распоряжаться своими деньгами, временем и свободой, – особенности культуры чаще проявляются в среде богатых граждан. Одной из таких тем, как мы только что видели, были свадебные традиции Древнего Рима. Насколько жесткими были римские брачные условия при таком начале? Другая тема, которая прозвучала в сцене умирения сабинянками их враждующих отцов и мужей, – это гражданская война.

Самое загадочное в этой легенде об основании Рима: два основателя – Ромул и Рем. Современные исследователи какие только версии ни предлагали, чтобы объяснить присутствие «лишнего» близнеца. Быть может, в этом проявляется какой-то дуализм римской культуры, среди сословий граждан или этнических групп. Или, может быть, здесь отражен тот факт, что в дальнейшем в Риме было два консула? Или задействованы более глубинные мифологические пласты и пара Ромула и Рема – вариант божественных близнецов, которых можно встретить в мифах разных народов мира, от Германии до Индии ведийского периода, включая библейских братьев Каина и Авеля. Однако, какое бы объяснение мы ни выбрали (при этом многие современные версии не отличаются убедительностью), не перестает удивлять избыточность второго основателя города, поскольку Рем был убит самим Ромулом или его оруженосцем в первый же день существования города.

Для многих римлян, не трактовавших историю об основании Рима как легенду или миф, это был самый неприятный эпизод. Похоже, что Цицерону также была непонятна роль Рема, и в своей версии зарождения Рима, изложенной в трактате «О государстве», он не упоминает о ней вовсе: Рем появляется в начале сюжета, его оставляют на берегу вместе с Ромулом, а потом он незаметно пропадает по ходу действия. Историк Дионисий Галикарнасский (I в.), переехавший в Рим из Галикарнасса, расположенного на побережье современной Турции, изобразил Ромула оплакивающим потерю брата («он утратил желание жить»). У автора по имени Эгнаций есть еще более неожиданная версия легенды. Единственное, что осталось в письменном виде об этом Эгнации, – это то, что он полностью переиначил историю с убийством и предположил, что Рем умер в глубокой старости, пережив своего брата-близнеца.

Это была отчаянная, но неубедительная попытка смягчить откровенное послание легенды: братоубийство было «зашиито» в программу политической жизни Рима, что предопределило повторяемость ужасающих сцен гражданских конфликтов, регулярно отравлявших историю, начиная с VI в. до н. э. (убийство Юлия Цезаря в 44 г. до н. э. – только один из примеров). Если история города начинается с братоубийства, возможно ли в дальнейшем избежать убийства гражданина гражданином? Поэт Квинт Гораций Флакк (или просто Гораций) был лишь одним из многих авторов, которые считали ответ очевидным. Десятилетие политических распрей, последовавшее за убийством Цезаря, оставило неизгладимое впечатление на поэта, и в 30 г. до н. э. он жаловался: «Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая, / За тот братоубийства день, / Когда лилась кровь Рема неповинного, / Кровь, правнуков заkläвшая».⁸ Можно сказать, гражданская война была у римлян в генах.

⁸ Пер. А. Семенова-Тян-Шанского.

9. Ромул и Рем достигают дальних уголков империи. Мозаика IV в., найденная в Олдборо на севере Англии. Волчица здесь – милое веселое существо, близнецы легкомысленно парят высоко в воздухе. Вся композиция кажется такой же позднейшей переработкой сюжета, как и Капитолийская группа

Безусловно, зачастую Ромул подавался и как героический отец-основатель: несмотря на печальную судьбу Рема, Цицерон в своей схватке с Катилиной решил примерить на себя тогу Ромула. Воспоминания о братоубийстве не помешали распространению скульптур, изображающих кормящую волчицу и близнецов, по всему римскому Средиземноморью: от столицы, где когда-то были скульптурные группы на Форуме и на Капитолийском холме, до дальних уголков империи. Когда во II в. до н. э. жители греческого острова Хиоса захотели присягнуть на верность Риму, они первым делом воздвигли статую в честь «рождения Ромула, основателя Рима, и его брата Рема». Памятник не сохранился. Но жители острова свои намерения запечатали на мраморной табличке, которая уцелела. Тем не менее Ромул остается фигурой экстремальной как морально, так и политически.

Экстремальной, хотя и в другом роде, была также идея убежища, пристанища для всех иноземцев, преступников и беглых рабов. Позитивная сторона очевидна: отсюда проистекает необычайная открытость римской политической культуры и ее готовность принимать приезжих. Ни в каком греческом городе так легко не приживались чужеземцы. В Афинах были особенно жесткие ограничения для получения гражданства. Я не пытаюсь превознести «либерализм» римлян в современном понимании слова: они захватывали огромные территории в Европе и за ее пределами, порой с ужасной жестокостью, и ко многим народам проявляли пренебрежительное отношение и даже ксенофобию, считая их «варварами». Тем не менее жители этих покоренных территорий, «провинций», как их называли римляне, постепенно получали полное римское гражданство со всеми предусмотренными правами и защитой: пример, уникальный для империи до Промышленной революции. Кульминацией этого процесса стал 212 г. (год, которым заканчивается действие моей книги), когда император Каракалла предоставил всем свободным жителям империи полное римское гражданство.

Еще раньше многие представители провинциальной элиты стали участвовать в политической жизни столицы. Римский сенат постепенно превратился в орган, который мы бы сегодня назвали мультикультурным. В списке римских императоров можно найти многих уроженцев провинций за пределами Италии: отец Каракаллы Септимий Север был первым императором из римской провинции Африка; Траян и Адриан, которые правили за полвека до него, были родом из провинции Испания. Когда в 48 г. император Клавдий, чей образ «дядюшки Клавдия» сложился благодаря скорее книге Роберта Грейвза «Я, Клавдий», чем реальным фактам, пытался убедить неподатливый сенат принять в свои ряды граждан из Галлии, ему пришлось напомнить собравшимся об изначальной открытости Рима по отношению к иностранцам. Его речь, прерываемая критическими выкриками, которые даже императору приходилось терпеть, была запечатлена в бронзе. Эти бронзовые таблицы были установлены в главном городе провинции галлов, который сейчас называется Лион, и находятся там до сих пор. У Клавдия, судя по тексту, не было возможности, подобно Цицерону, отредактировать свою речь перед публикацией.

С рабством была похожая ситуация. Во многих отношениях институт рабства в Риме отличался жестокостью не меньшей, чем военные завоевания. Однако для тех, кто был в услужении в городских хозяйствах, рабство необязательно было пожизненным, в отличие от тех, кто надрывался в полях и в шахтах. Рабов довольно часто отпускали на волю, или они выкупали свободу за деньги, которые сумели накопить. Если хозяин был римским гражданином, то вольноотпущенники тоже получали полное римское гражданство и практически уравнивались в правах с теми, кто родился на свободе. Отличие от Афин здесь также разительно: там вольноотпущенников было очень мало, а те счастливики, которые становились свободными, не получали со временем афинского гражданства, а оставались в неопределенном статусе без гражданства. Практика освобождения, или «манумиссия» (*manumissio*), если воспользоваться латинским термином, была характерной чертой римской культуры, ее отмечали все приезжие как важнейшую причину успехов римского государства. Как объяснил в III в. до н. э. один македонский царь, это был способ для римлян «увеличить свою страну». Насколько широк был масштаб явления, можно судить по тому факту, что, по оценке ряда историков, большинство населения Рима во II в. до н. э. имело рабов среди предков в каком-нибудь колене.

Идея Ромула устроить «убежище» ясно указывает на изначальный принцип открытости, обеспечивающий разнообразие состава населения Рима. В самой столице этот образ приюта для всех часто был предметом гордости, подтверждая мысль того македонского царя, который связал открытость римского сообщества с великим успехом. Но раздавались и голоса против такой радужной картины. Не только внешние враги Рима могли увидеть неловкость положения империи, которая корнями уходит в низшие криминальные слои общества. Это наблюдали и сами римляне. Поэт-сатирик рубежа I–II в. н. э. Децим Юний Ювенал, или просто Ювенал, любитель поглумиться над претенциозностью римлян, их снобизмом (который был еще одной характерной столичной чертой), не упускал случая высмеять тех аристократов, которые хвалились родословной, уходящей в глубь веков. Одну из своих поэм он заканчивает колким замечанием в адрес происхождения римлян. На чем основаны их претензии? Рим начинался как город рабов и беглецов: «Первый из предков твоих, кто бы ни был он, – или пастух был, / Или такой, что о нем и вовсе думать не стоит».⁹

⁹ Пер. Д. Недовича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.